

ИЗБРАННОЕ

НИКОЛАЙ Задорнов

Цунами

Избранное

Николай Задорнов

Цунами

«ВЕЧЕ»

1972

Задорнов Н. П.

Цунами / Н. П. Задорнов — «ВЕЧЕ», 1972 — (Избранное)

ISBN 978-5-4484-8433-9

«Избранное» исторических произведений известного русского писателя Николая Павловича Задорнова (1909–1992) открывает трилогия «Черные корабли с Севера». Ее первый роман – «Цунами» – посвящен экспедиции адмирала Путятина в Японию (1854 г.) для установления торговых и дипломатических отношений. Там, на Востоке, столкнулись интересы Америки, Великобритании, России. После сокрушительного цунами русские моряки получают приют на японском берегу, хотя любой иностранец, чья нога ступит на землю Японии без разрешения, должен быть казнен...

ISBN 978-5-4484-8433-9

© Задорнов Н. П., 1972

© ВЕЧЕ, 1972

Содержание

Предисловие	6
Русская одиссея	9
Глава 1	10
Глава 2	18
Глава 3	28
Глава 4	34
Глава 5	38
Глава 6	45
Глава 7	51
Глава 8	58
Конец ознакомительного фрагмента.	59

Николай Павлович Задорнов

Цунами

© Задорнов Н.П., наследники, 2020

© ООО «Издательство «Вече», 2020

© ООО «Издательство «Вече», электронная версия, 2020

Сайт издательства www.veche.ru

Предисловие

5 декабря 2019 года исполнилось 110 лет со дня рождения моего отца, Николая Павловича Задорнова. Родился он на Пензенской земле, давшей России много замечательных известных имён писателей, исследователей, актёров. Это Лермонтов, Белинский, Радищев, братья Загоскины, Куприн, Мейерхольд и др. Но рос отец в Сибири, а когда после окончания школы попал во Владивосток, «его голова», как он сам говорил, «навсегда повернулась к Тихому океану». Так случилось, что долго ещё носило молодого человека по всей стране, а вот в 27 лет он приезжает на Дальний Восток, на молодёжную стройку нового города – Комсомольска-на-Амуре. Сильное впечатление на него произвели природа, люди, история. В свободное от работы время он изучал историю этого края, знакомился с бытом и обычаями местного населения, бывая в рыбацких стойбищах, в деревнях русских переселенцев и записывая их воспоминания и рассказы о семейных преданиях. Отец старался собрать как можно больше сведений обо всём этом. С рыбаками плавал по Амуру, по другим рекам, выходил в море, с охотниками ходил в тайгу.

Его особенно привлекали образы капитана Геннадия Невельского и адмирала Евфимия Путятина. Если Невельской, исследуя Дальневосточный край, совершил важнейшие географические открытия, то Путятин первый доказал мировое значение этого края, начав отсюда большие плавания, а затем установив дипломатические отношения с Японией. Во всех странах Тихого океана – в Америке, Японии, Малайзии и других – выпущено огромное количество литературы о Путятине. Японцы считают его учителем японских кораблестроителей. Впервые адмирал Путятин прибыл в Японию на фрегате «Паллада» в августе 1853 года для заключения торгового трактата. Но из-за японских проволок его миссия не была выполнена, и адмирал ушёл к российским амурским берегам. Этот поход прекрасно описан писателем Иваном Гончаровым в романе «Фрегат “Паллада”». Для окончательного выполнения своей миссии Путятин отправляется вторично к берегам Страны восходящего солнца, но уже на фрегате «Диана».

После крушения корабля «Диана», на котором Путятин прибыл в Японию для заключения договора о добрососедских отношениях и торговле, адмирал с его офицерами и моряками построили новое судно и научили японцев европейскому кораблестроению.

В честь Путятина японцы построили в 1969 году музей истории судостроения в деревне Хэда, и с 1970 года там ежегодно проходит фестиваль российско-японской дружбы в память о Путятине и его моряках. После торжественного импровизированного шествия проводится поминальная служба в буддийском храме, где жил адмирал и где сохраняется его кабинет, возлагаются цветы к могилам русских моряков. Вечером на набережной самодеятельные ансамбли из города Симоды и деревни Хэда устраивают красочный концерт, который заканчивается великолепным фейерверком. Так жители этих мест чтят память русских моряков, офицеров и адмирала.

Интересно, что в 1997–1998 годах по инициативе японского писателя Кацухико Оминами и историка, профессора университета Окаяма Коити Ясуда предпринимались попытки поисков затонувшего русского фрегата «Диана», но они не увенчались успехом.

Отец был очень увлечен японской темой и работой над ней. Ещё до поездки в Японию он досконально ознакомился в архивах с записями в судовом журнале «Дианы», с записками не только самого адмирала Евфимия Путятина, но и других участников этого похода; капитана фрегата С.С. Лесовского, дипломата О.И. Гошкевича, священника Василия Махова, К.Н. Посьета, который за участие в японской дипломатической миссии получил бриллиантовый перстень с руки императора.

Впервые Николай Задорнов побывал в Японии в 1969 году, но всё же не хватало сведений, привезённых из первой командировки, и он пригласил из Японии переводчицу. Она при-

ехала на всё лето, привезла много печатных материалов и с воодушевлением рассказывала о своём народе. Синко Огава тогда была аспиранткой Токийского университета.

О своей работе над произведениями японской серии отец нередко рассказывал в своих письмах к редакторам и издателям:

«Японцев я насмотрелся в детстве, в Чите. А замысел написать роман о Путятине и о русских в Японии уже был у меня в голове. Мне было 35 лет...

Англоязычные народы называют художественную литературу словом “фикшн”, т. е. “вымысел”. Конечно, в офицерах, матросах, как и во всех действующих лицах, много этого вымысла. Но я всё же стараюсь укреплять домисел на основах действительных.

Так, например, Колокольников – не вымышленный герой. Однажды зимой вечером раздался звонок в дверь. Девушка в дублёнке приехала из Новгорода. Художница с фарфорового завода Ольга Колокольцова, москвичка, впоследствии я познакомился с её братом и матерью. В семье хранится шкафчик, даренный их предку, лейтенанту, японским императором. Колокольников стал потом начальником одного из самых больших казенных заводов в Петербурге...

В Японии я искал семьи, в которых можно услышать рассказы о предках хэдских плотников и крестьян. В каждой семье у них хранятся чертежи родового дерева лет за четыреста, и это у крестьян и рабочих. Никто не скрывает своего происхождения. За сотни лет в деревнях хранятся документы властей и обществ, много рукописей в храмах...

В 1972 году я вторично был в Японии. На этот раз крестьяне были откровеннее со мной, рассказывали о личных отношениях женщин своих семей с русскими моряками. Много предметов, даренных нашими моряками, видел в семьях, подобных вееру, на котором сделана русскими буквами надпись “ЛЮБЛЮ”. А какие рассказы я слышал! И какие при этом были приключения на суше и на море! Японское Общество дружбы с СССР в этой деревне дало мне судно современное, на котором я прошёл там же, где Путятин, а также в месте гибели “Дианы”. А потом – на машине и пешком по горам по следам похода отряда...

Мои книги переведены, изданы в Токио издательством “Асахи” с обширными примечаниями. Видимо, в этих романах оказались сведения новые для японцев, они отнеслись к этому очень серьёзно... Это редкий случай. Обычно исторические романы, написанные иностранцем, не представляют интереса в той стране, о которой написаны.

Сильная сторона писателя при этом – способность ходить и ездить, непрерывающийся с ранних лет интерес к людям. Моя мать научила слушать говор и чувствовать язык. Она мне много рассказывала о разных людях, как теперь рассказывают про любимых актёров кино. Я приучился смотреть на тех, о ком я писал, не сверху вниз, а снизу вверх. Мной всегда всё, конечно, перепроверялось».

Отец очень переживал, что наш народ исторически малограмотен. В 1991 году он написал сценарий документального фильма о приключениях русских моряков в Японии и готов был лететь туда уже в третий раз со съёмочной группой, но здоровье уже не позволяло. Он поручил моему брату, Михаилу, обязательно осуществить им задуманное. Михаил всё исполнил и сразу после отцовской кончины отправился в Японию и снял документальный фильм «Цунами».

В этом году я и члены моей семьи, мой сын, Алексей Задорнов, и Велта Задорнова, были участниками семинара и фестиваля российско-японской дружбы, посвященного на этот раз 50-летию музея судостроения в деревне Хэда. Там мы встретились с папиным другом, учёным, специалистом по древнерусской литературе Ёсикадзу Накамурой, учеником академика Дмитрия Лихачёва. С ним отец познакомился в Хэда в 1969 году: Накамура, тогда ещё молодой человек, сопровождал его в поездках по местам важных для отца событий. Их знакомство переросло в дружбу и привело к частому общению и в России, и в Японии. Накамура с большой теплотой вспоминал и рассказывал нам об их встречах и беседах. В Токио встретились мы и с папиной переводчицей Синко. Это была не просто дружественная встреча, а встреча близких людей почти через 50 лет.

Нас очень тронуло, что в музее хранятся книги Николая Задорнова на русском и японском языках. Отец радовался, что японское издание трилогии вышло с портретами главных действующих лиц и с картинами тех мест, где произошла трагедия с фрегатом «Диана» и где строилось русскими моряками новое судно «Хэда».

И его желанием было, чтобы когда-нибудь и в России вышло издание с подлинными портретами и иллюстрациями, доказывающими достоверность трилогии.

Во время нашей последней встречи Накамура-сан подарил мне набор репродукций картин, изображающих постройку русской шхуны «Хэда» в 1855 году. Оригиналы картин хранятся в Токио. Зарисовки сделаны японским художником Тетонсаем, который в то время жил в буддистском храме Хотоку, где его сестра была матушкой. Данные иллюстрации были использованы в японском издании отцовской трилогии под названием «Чёрные корабли с Севера».

Историей японской эпопеи адмирала Евфимия Путятина очень заинтересовался замечательный приморский художник-маринист Валерий Иванович Шиляев. Он побывал в Японии, посетил Симоду и Хэду, прочувствовал трагедию, произошедшую с эскадрой адмирала. Супруга художника любезно предоставила снимки картин В.И. Шиляева, которые мы с радостью используем в данном издании.

Людмила ЗАДОРНОВА

Рига, 2019 г.

Русская одиссея

Более двухсот лет Япония была закрытой страной. Поэтому кораблей у нее не было. Рыбакам разрешалось иметь небольшие лодки и ходить вдоль берегов в пределах видимости. А любой иностранец, чья нога ступит на землю Японии без разрешения, должен быть казнен.

Как случилось, что более чем восьмистам русским морякам и офицерам, потерпевшим кораблекрушение, высочайшие власти Японии позволили в период действия самых жестких самурайских законов почти год прожить в прибрежных деревнях? Какие необычайные романтические, приключенческие, шпионские, дипломатические истории завязались в результате? Эту невероятную, но достоверную историю отец описал в своей «русской Одиссее» настолько точно, что его романы были изданы даже в Японии.

Большинство историков в мире и сегодня уверены, что законсервированную Японию впервые «распечатала» американская «дипломатия»: военная эскадра подошла к японским берегам, навела пушки, пригрозила... Японцы с испугу пустили их на свою землю, а потом, как в голливудских фильмах, американцы очень понравились японцам своим ростом, красивой военной формой, кока-колой и «Мальборо»... О тех событиях даже написана известная опера-мелодрама «Мадам Баттерфляй».

Недавно мне довелось разговаривать с одним высокопоставленным чиновником из российского МИДа. Даже он не знал, что «открытие» Японии произошло не по воле американской пушечной дипломатии, а благодаря дружелюбию и культуре русских моряков. Недаром в японской деревне Хэда и в наше время есть музей, открытый японцами в память о тех реальных событиях, после которых впервые был поднят их железный самурайский занавес. В этом музее, в центральном просторном зале выставлен первый японский быстроходный парусный корабль, построенный на японской земле в тот год с помощью российских офицеров.

Я был в этой деревне. Одна пожилая японка с гордостью поведала мне о том, что и сейчас в Хэда иногда рождаются голубоглазые дети.

И сегодня, когда до сих пор не подписан мирный договор России с Японией, а дети в японских школах благодаря американским фильмам думают, что даже атомные бомбы на их города сбросили русские, романы отца, как никогда, ко времени!

Михаил ЗАДОРНОВ

Глава 1

Мыс Лазарева

На бревенчатой, конопаченой стене, на глаголе деревянной перекладины, висел желтый фонарь из рыбьего пузыря.

Молодой контр-адмирал в узком сюртуке без эполет встал из-за стола, открыл фонарь и засветил фитиль в плошке, и на пузыре проступили нарисованные рыбы глаза и красные иероглифы. Он мгновение смотрел на фонарь, словно согревался от огня.

Пожилой матрос в белых перчатках поставил горячий самовар на стол и зажег свечу в медном подсвечнике. Пламя ее засветилось в медном начищенном самоваре. Матрос подал в блюде на салфетке белый хлеб, нарезанный тонкими ломтями, и разлил чай.

Пожилой адмирал тронул стакан с крутым горячим чаем и задержался на его стекле хваткой ладонью. Суровое длинное лицо его стало теплей.

Он помешал ложечкой в стакане и дважды прихлебнул почти крутой кипятком. Его лицо с крупным носом и густыми бровями обветренно и смугло, как у солдата-лесоруба. Пока молодой адмирал мешкал, садясь на место, пожилой адмирал уперся взором в скатерть и мысленно ушел. Выражение жесткого лица еще более смягчилось едва проступившей тайной улыбкой.

Молодой уселся на табуретку. Оба адмирала взялись за стаканы и, как по команде, подняли головы, обратились друг к другу.

Молодой адмирал не согласен со многими видами своего гостя – адмирала Путятина, хотя и признает его доблесть, замечательную находчивость и даже восхищен сегодня тем, что приходится слышать на прощание.

Пожилой адмирал, в свою очередь, не согласен и охотно бы пренебрег мнениями своего молодого хозяина, только что произведенного в контр-адмиралы Невельского. Он вообще во многом не разделяет его взглядов, хотя и признает его деятельность. За эти годы произошли удивительные события с его участием, и какое из них важнее – трудно предугадать пока.

За стеной пронесся ветер. В окне видно прозрачное высокое небо, до половины, как серым одеялом, закрытое тьмой. На море волны и холод. Сегодня после солдатского обеда в двенадцать часов оба адмирала еще не присели.

Ниже потемневшего небосвода, невидимый из окна, но виденный не раз, близкий за узким проливом, как лес за рекой, подходил к матерiku сахалинский мыс Погиби. Молодой адмирал мысленно видел весь остров, от нанесенных им на карты северных мысов с прибрежными болотами до угольных ломов, заведенных по его же приказанию в каменных боках хребтов над этим проливом и дальше до цветущих берегов залива Анива на самом юге острова Сахалин, где среди айнских селений еще недавно стояла напротив торговой фактории японца русская крепость с гарнизоном и пушками. Но адмирал-гость нынешней весной после долгих колебаний снял эту крепость и вывез гарнизон, стоявший в заливе Анива, на материк. Теперь он, воодушевленный и полный решимости, снова уходил в Японию.

В сырой высокой, как хоромы, избе, на самом крайнем мысу материка, на берегу открытого им пролива напротив острова, Невельской терпеливо слушал и ждал, что же будет сказано еще.

– Глухарев пришел, ваше превосходительство, – входя, сказал матрос в белых перчатках.

– Пожалуйста, пригласите его, – сказал адмирал-гость и, не теряя осанки, но почтительно поклонился через стол своей мощной, прямой фигурой, отдавая полную дань вежливости хозяину.

– Пусть Глухарев зайдет, – велел молодой адмирал. Свет фонаря через красные иероглифы ударил на его поднявшийся высокий и крутой лоб во вздымающихся лысины. Холодные глаза в голубизне вечернего тумана скользнули по лицу гостя.

Матрос с рыжими колосьями бровей и пшеничными усами на бронзовом узком лице шагнул на слегка кривых ногах в дверь. Он от души пожалел своего адмирала: «Скудненько тут угощают!» Глухарев ждал, что обрадуется, повидав адмиральский пир. Было бы ради кого терпеть матросу!

– Работали дотемна, Евфимий Васильевич, – сказал Глухарев. – Как теперь прикажете?

– Тебе надо сейчас возвращаться с вещами на корабль. Что же еще не окончено, Глухарев?

– Борта обшиты, Евфимий Васильевич. А теперь они зазоры законопатят, пенька у них своя набрана достаточно. Осмолят пазы, обстругают, и будет гладкий, как яичко. С инструментом, Геннадий Иванович, все закончат, – обратился Глухарев к молодому. Он хотел сказать, что инструментов не хватает и нет опытных корабельных плотников. Строили плотники с «Дианы» и обучали солдат, которые прежде ладили барии для сплава по реке.

Баркас получился большой, неуклюжий, как утюг, но тут его никто не увидит, зато груза возьмет много.

– Не осудят, Евфимий Васильевич, так и возьмет груза! Конечно, баркас – не пароход. Для себя сойдет! Да и ни за что не платили, даром! Кабы время...

Глухарева, кажется, радовало, что баркас построили, ни за что не платя. Матросы на ломках угля на Сахалине тоже, бывало, приходили в восторг, что уголь, за который обычно англичанам платили бешеные деньги, тут брали даром и сколько угодно!

Адмирал Путятин велел матросу идти и проводил его взором, вспомнив, как жена в Париже сказала, что слегка кривые ноги у мужчины – это шарм. Адмирал быстро допил холодный чай и поставил стакан под кран самовара.

Он съехал сегодня на берег вторично, чтобы проститься перед уходом в плавание, и привез подарки. На столике, в углу, сложены желтоватые японские коробки из дощечек легчайшего, как вата, тунгового дерева, в них – веера и лакированные шкатулки, чайные сервизы и чашечки, назначенные в подарок юной красавице Екатерине Ивановне, жене молодого адмирала, которая живет в ста милях отсюда в новом городе над рекой, в таком же сыром бревенчатом доме. По утрам она станет открывать эти шкатулки, искоса любуясь своей свежестью в посланном ей еще прежде тройном французском зеркале.

– Японцы довольно осведомлены о развитии наук и прогрессе во всем мире, хотя и обнаруживают все с величайшей осторожностью, – продолжал свой рассказ Евфимий Васильевич Путятин. – Их общество, глубоко аристократическое, в совершенстве и педантично соблюдающее непреложные законы этикета, озабочено известиями, получаемыми со всех концов света. Запретный плод сладок. Тяга их к миру велика и проявляется со всей силой сдерживаемого темперамента. Они сознают неизбежность перемен и представляют, что далее держать страну закрытой невозможно и даже опасно, это значило бы оставить ее безоружной и неразвитой. В Шанхае и Гонконге, а также на Окинаве, встречаясь с американскими офицерами эскадры Перри, мы не раз слышали от них, что, прежде чем снарядить экспедицию в Японию, президент Фильмор, его государственный секретарь и морской министр потребовали обзора сведений о внутреннем состоянии страны. Адмирал Перри получил отчеты допросов, снятых с японцев, которые тайными путями достигли Гавайских островов, а потом берегов Америки, а также с японских рыболовов, отнесенных бурями за моря. Американцы шли, уверенные в успехе своего посольства, не только потому, что собрались с силой.

Молодому адмиралу казалось, что гость его, побывав в Японии и сблизившись с японскими сановниками, так познал японскую жизнь и вжился в нее, что теперь судил, как бы глядя из ее глубины. Под властью петербургских своих покровителей он был всю жизнь оторван от

своих же собственных интересов. А следом за Перри идет с научными целями описная эскадра Рингольда и Роджерса! Она станет описывать Охотское побережье и Сахалин. От управляющего Морским министерством Невельской получал из Петербурга секретные инструкции, как гостеприимно, но соблюдая государственные интересы, следует действовать при подходе американцев к нашим берегам. Бумага пришла, когда Рингольд в Америке лишь начинал готовить корабли к плаванию.

Надо было не убирать крепость с Сахалина и дать там бой англичанам, заставив их напасть на эту крепость, даже сжечь ее, если силы не будут равны, а самим уйти в тайгу. Пусть джеки придут на пепелище. Пусть айны и японцы увидят, что мы защищаем эту землю.

Следом за англичанами и американцы хлынули в Тихий океан, они теперь повсюду – торгуют, изучают и показывают свою морскую мощь. Главной силой их в Тихом океане была экспедиционная военная эскадра Перри, посланная в Японию. Государь император, как благородный рыцарь, повелел при этих обстоятельствах идти адмиралу Путятину в Японию. Он протянул руку помощи японскому государю как монарх монарху.

Возникло предположение, что система отчужденности в Японии будет отменена, японцы откроют порты и начнут торговать с европейскими странами.

Пайщики Российско-Американской компании в Петербурге оживились, надеясь на новые выгоды. Канцлер Нессельроде – сам пайщик компании, которая владеет Аляской. Адмирал Путятин получил инструкцию. Ему предписано главнейшей целью считать заключение торгового договора с Японией.

В это время Невельской писал с устья Амура, требуя как можно скорее занимать Сахалин, сообщал про угольные залежи на острове.

Перри рассчитывал, что сопротивление японцев будет упорным, с ними придется провозиться годы. Американский коммодор, чтобы удобнее было действовать, намеревался занять базу поблизости от Японии. Американцы могли появиться в заливе Анива на Сахалине.

Невельской понимал, что если американцы займут Анива, то не уйдут оттуда никогда. Придя в Японию, адмирал Путятин послал шхуну «Восток» к Невельскому за известиями. Евфимий Васильевич, размышляя вдали от Петербурга, переменял свои взгляды на наши дальневосточные дела. В докладе правительству сообщал он, что не открытие торговли, а проведение четких границ, обеспечивающих и России и Японии мир и сохранение достоинства, считает главной своей целью.

Он держался в Нагасаки как посол преданного друга Японии.

Да, вот рассказывает, что, кажется, не тому государю руку протянули, что подлинный глава Японии все же не сиюгун, а другой, скрытый от людей духовный император, чья власть от богов и кого светский властитель-сиогун, видно, держит в повиновении.

Но кто же теперь встретит американскую эскадру Рингольда, когда она подойдет к самому важному пункту Сахалина в заливе Анива? Айны в смятении, они нас поддерживали, а теперь не знают, как нас понять. Рыдали, провожая наши суда. Им объяснили, что началась война и все войска для битвы против англичан и французов собираются в одном месте. «Где? В океане?» – спрашивали айны. Да, мы предали их. Отдали их врагам.

С ужасом глядели они на вдруг явившиеся в эту весну к их селениям японские джонки, набитые солдатами.

Страшная сумятица и какое множество событий! Англия и Франция объявили нам войну. К нашим берегам идет научно-исследовательская экспедиция американцев. В Японии побывала мощная эскадра адмирала Перри. Мы хотим заключить торговый договор с Японией. Адмирал Путятин идет на величайший риск.

«Но чем же торговать с Японией? Аляска даст меха?» – хотел бы спросить Невельской. Но чувствовал, что у Евфимия Васильевича своя сложная система действий и что сегодня уж не надо сбивать его с толку своими советами и нет надобности воодушевлять его своими

планами перед тяжелым плаванием. Ссоры и разногласия закончились, и оба они оставались перед лицом врагов и опасностей и должны дать друг другу свободу действий и поддержку.

Евфимий Васильевич опять ушел мыслями.

Он явился из Кронштадта с эскадрой в Нагасаки 9 августа прошлого, 1853 года и простоял там чуть не полгода с перерывами. Нагасаки – единственный порт закрытой страны, куда дозволено приходить иностранным кораблям для переговоров.

Из столицы Японии присланы были послы японского правительства. Люди порядочные и серьезные повели переговоры умно и наконец, заметно ослабив сопротивление, дали письменное обещание, что с Россией будет подписан договор о дружбе и торговле прежде, чем с другими державами. Но если с какой-либо другой державой Япония подпишет договор раньше, чем с Россией, то все права, предоставленные по договору третьей державе, будут предоставлены и России.

Так, первое письменное обязательство японцы дали не американцам, а Путятину! Какая перемена в политике японцев! Но послам надо было вернуться в далекую от Нагасаки Северную столицу и получить согласие высшего правительства и молодого, только вступившего на престол сиюгуна. А тот снесется с императором, замкнуто живущим в Киото, с потомком богов и как бы живым богом, по понятиям японцев.

Началась война России с Турцией, а потом с Англией и Францией. Адмирал ушел из Японии к берегам вновь открытого Невельским и возвращенного России Приамурья с тем, чтобы вторично встретиться с японскими представителями на Сахалине. Но из-за войны встреча не состоялась. Так полагает Путятин. Невельской полагает: из-за ошибки Путятина встреча не состоялась. И теперь уж не с эскадрой, а с единственным кораблем адмирал пойдет искать встречи с японскими послами и продолжать переговоры.

Команда вооружена до зубов. Пушки поставлены на «Диане» повсюду, где только возможно. Все взято с этих берегов для экспедиции – лучшие офицеры и матросы со всех кораблей, лучшие орудия, запасы ядер и пороха и лучшее продовольствие.

– Кавадзи и старик Тсутсуй не являются членами высшего правительственного совета в Эдо, – говорил Путятин. – Но очевидно, что имеют на совет влияние и пользуются его доверием, может быть, даже как люди практические диктуют совету свою волю. Сколько в них такта, умения, осторожности, какова логика! Впору их в любую петербургскую гостиную, как говорил Иван Александрович Гончаров. – Первый из европейцев адмирал нашел с высшими чиновниками Японии общие интересы и составил дружеские знакомства.

Кавадзи – опасный противник. Гончаров от него в восторге и описал в нескольких корреспонденциях! Высокого роста, вальяжный, со смелым взглядом больших глаз, с большой выдержкой этот Кавадзи. Но, говорят, тоже колебался, не был уверен, что не увезут его из Японии в плен, если поедет на прием на судно.

Сначала очень осторожны были послы, но потом лед растаял. И на прощание уже совершенно по-европейски Кавадзи пожал протянутую руку адмирала. Путятину даны обещания, что с русскими Япония заключит договор о дружбе, торговле и границах на основе принципа наибольшего благоприятствования. А нагасацкие губернаторы – родовитые князья, – не зная новой политики правительства бакуфу¹, составили оппозицию Старику и Кавадзи. В Нагасаки образовались две враждебные партии. На «Палладе» стало известно об этом, и немало смеялись. Всюду, даже в закрытой Японии, одно и то же!

Иронизирует губернатор Сибири Николай Муравьев и составляет старому адмиралу оппозицию, как нагасацкие губернаторы столичным послам. Но дела предать нельзя, дело начато, оно многообразно, оно и в официальных и в человеческих отношениях, начатых, завязавшихся, требующих развития! Да разве можно этим пренебрегать? Перед отплытием адми-

¹ Так называлось правительство в Японии. Точно – палаточная стоянка.

рал Путятин, рассказывая свои впечатления от Японии и японцев и сам проникнутый чувством приближающейся опасности, все более увлекал молодого адмирала, объясняя ему значительность предстоящих действий. Путятину нравилось, что Геннадий Иванович Невельской миролюбив. Его офицеры и казаки, распространяя свое влияние на огромной территории, за пять лет не сделали ни единого выстрела по человеку! Пример небывалый в современной истории!

...Кавадзи подарил адмиралу отличную самурайскую саблю, какие носят японские рыцари, и сказал, что при испытании этой сабли на преступниках были срублены сразу три человеческих головы, а что спинной хребет и кости она резала потом вдоль, легко, как хрящи. Подарок дорогой, да и объяснение к нему прибавлено! Знайте, пришельцы, всю холодность и жестокость воинов Японии. При исполнении долга они не знают пощады ни к себе, ни к врагу. За все время переговоров у Кавадзи его праздничный, как бы мундирный, халат был застегнут не слева направо, а справа налево. Как полагает наш востоковед и секретарь адмирала Гошкевич, такая застежка означает своего рода траур. Готовность к смерти, обреченность! В любой миг пожертвовать своей жизнью или жизнью отвечать перед государством за какую-либо оплошность при переговорах!

«Японию нельзя отдать под влияние враждебных стран, позволить подчинить ее и создать из нашего соседа вечного нашего врага!» – полагает адмирал-посол.

«Создадут и вооружат! И заставят друзей стать врагами! – это мнение Муравьева. – Дадут им в руки современное оружие и укажут на нас – вот ваши враги».

«Надо крепко стоять на позициях и заводить земледелие и судостроение на Амуре и на Сахалине, и угольные ломки», – полагает Невельской.

– Японцам очень нравились Посьет и Гончаров, принимавшие их и старавшиеся занимать гостей. А поначалу Гончарова посчитали за шпиона...

– Не может быть! – всплеснул руками молодой адмирал. – Да он, верно, с любопытством слушал их и наблюдал молча. Вот им и показалось! У них при переговорах всегда присутствует молчаливый чиновник-шпион.

– Он вмешивался всегда в разговор послов, – недовольно сказал старый адмирал. – У них не принято и не прощается.

Жена Евфимия Васильевича теперь в Петербурге. Любя его со всей фанатичностью англичанки, преданной идее, она стала истой православной и горячей поклонницей его открытий. В Париже в православной церкви заказывала молебны. С войной переехала в Россию. Теперь живет с детьми в родовом имении Путятиных, в селе Пшеничище близ станции Волховской на Московском тракте. И вот не к ней, а от нее, опять от нее, еще дальше, в большое плавание! Евфимий Васильевич улыбнулся, вспомнив ее последнее письмо. Вчера дребезжащий паровой катер доставил через лиман свежую почту.

«Внутренний помощник» – по понятиям японцев. У них отношения семейные скрыты, в обществе женщина не видна, не имеет, казалось бы, никакого значения. Но в семейной жизни ее сила могущественна.

Матрос унес самовар, слышно было, как доливал его, как гудела труба.

– Французские зонтики показались японцам хороши. Послы осматривали их с видом знатоков. Сказали, что невозможно не восхищаться. Парижские зонтики!

– При всей преданности японцев семьям они не скрывают, что существует многочисленный класс женщин, предоставленных для удовольствий знатных и богатых мужчин... В веселых домах ищут удовлетворения самых грубых и низких потребностей, для чего и избирают очень молоденьких и прелестных собой девиц из бедных семей.

– Рыцарь может без особого наказания разрубить торговца, если тот с ним недостаточно почтителен.

– А что же айны, по их понятиям?

– Послы доказывают, что айны, где бы они ни жили, принадлежат японцам.

– Они и мне это доказывали. Должны додушить и выморить айнское племя, забирая женщин и заставляя рожать от японцев. И заселяя их селения... Шалишь! – Невельской сжал волосатую руку в кулак.

Все окно стало красным, и можно, кажется, гасить горевший всю ночь японский фонарь.

Кто бы упрекнул Евфимия Васильевича, если бы он, как Гончаров, возвратился в Петербург! Кавадзи и Тсутсуй толковали в Нагасаки, что соскучились о семьях, находящихся в столице, и вполне понимают русских, два года как ушедших в плавание. А нынче уже не два, а почти три.

Жена в Париже ездила по магазинам, выбирала зонтики. Так милы бывают ее выдумки. Послала от себя столько нежности в таинственную страну. Дамы в Эдо, конечно, поймут.

Одна за другой из Петербурга получены почты. Первый международный договор в истории Японии заключен с Америкой. Но подробности наши газеты не сообщают. Не интересно для петербургского общества. О пустячных новостях из Европы пишут обстоятельно, а об американском договоре – бегло. Посылал Невельской офицеров в море на шлюпках, чтобы найти китобоев-американцев и узнать от них подробности.

...На Окинаве, под пальмами, американец взял за тонкую руку королевского племянника... В Шанхае английский лейтенант рассказывает про Парфенон... В Гонконге томила жара, а потеки на палубе не просыхали. «Хай-хай!» Японские переводчики кланялись, и сабли их вздымались, как хвосты... Здесь скоро наступит холод, взойдет слепящей красоты солнце. И появятся льды. А нам идти в теплую страну.

– Евфимий Васильевич! – воскликнул Невельской. – С его высочеством великим князем Константином Николаевичем мы были у султана Мухаммеда в Константинополе. Султан умен, наружностью похож на греческого попа. Но неужели мы не отбросим глупую мечту о проливах? Да Сахалин нам нужнее в тысячу раз, и бухты здесь нужней, и Золотой Рог найдется без султана и без Константинополя. Отвоевать святые места? Гарнизон туда пошлем, в это людское месиво? Англичанам мало дела до святых мест, они мощей не признают. А что нам нужно здесь? Топоры и мука! Здесь каждый солдат должен быть плотником! И все! А подлец подлецом останется.

Путятин знал, в чей огород камень. Подлецом осмеливались называть здесь канцлера и министра иностранных дел России. О нем Невельской не мог говорить спокойно.

– А что же в Китае? Как встретили вас в Кантоне?

– В Китае идет жестокая гражданская война. Вся страна охвачена народным восстанием. Повстанцы захватили Нанкин, стоят у Шанхая, сражаются под Кантоном. Полчища их движутся к Пекину. Глава повстанцев Тайпин Ван, как его именуют, объявляет, что европейцы-христиане – братья китайцев, что, захватив власть в свои руки, он и его сторонники уничтожат торговлю опиумом. Английским коммерсантам такое заявление не понравилось. Главной целью повстанцы поставили перед собой уничтожение царствующей маньчжурской династии.

Это было до прихода экспедиции Путятина в Японию. По пути из Кронштадта адмирал с фрегатом «Паллада» и со шхуной «Восток» заходил в Англию, на Капский мыс, в Сингапур и Гонконг, а потом в Кантон и Шанхай.

Да, адмирал был и в другой закрытой стране – в Китае. Но его считают лишь открывателем Японии, а про его деятельность в Китае не упоминают. А он все время изучал Китай и китайцев.

Вторая часть инструкции, которая дана Путятину правительством, – о Китае. Ему предписывалось зайти в китайские порты. Цель – установление торговых отношений морем. «С морской стороны», как сказано в инструкции. Китайцы после войны с англичанами уступили им остров, на котором построен новый город Гонконг, и открыли для торговли с иностранцами пять своих портов. Русские суда для торговли не допускаются. Российско-Американская ком-

пания ведет небольшую морскую торговлю с Китаем, посылая свои товары на имя американского торгового дома Рассел в Шанхае. В инструкции, которая адмиралу дана в Петербурге, указано, что для будущих наших торговых видов желательно, чтобы Россия получила доступ в открытые порты «наравне с прочими». Путятину велено, прибыв в Шанхай и ознакомившись с китайским начальством, добиваться дозволения нашим купеческим судам приходить в Шанхай и другие порты. Собирать сведения об американской торговле, о китайских торговых оборотах, о ввозимых в Китай товарах, о народном восстании, об отношении к нам китайцев и их правительства.

«Вон куда они махнули! – подумал Невельской. – Им – все свое!»

В Гонконге Путятин был очень дружелюбно встречен английским обществом. Он решил из Гонконга идти в соседний китайский город Кантон, куда генерал-губернатором и командующим войсками, сражающимися против повстанцев, назначен был от китайского правительства сановник по фамилии Е.

Губернатор Гонконга уверял Путятину, что вряд ли что получится. Английский губернатор и посол за два года лишь один раз смог свидеться с Е.

Но Путятину надо было позаботиться о компанейских пайщиках и исполнять инструкцию. Он перенес свой флаг на паровую шхуну «Восток» и, пройдя между многочисленных голых островов, окружающих Гонконг, вошел в устье реки Жемчужной, поднялся до Кантона и встал напротив города.

Е. ответил сразу на письмо адмирала. Россия производит с Китаем сухопутную торговлю через Кяхту, поэтому морская торговля для русских будет убыточной. Порты Китая закрыты для России. Торговые суда русских не могут приходить в Китай. Идет война, враги стоят у Кантона, и генерал Е. занят военными делами и не имеет свободного времени для приема адмирала.

Про военные суда русских Е. ничего не писал. Запрета, значит, не было.

В Шанхае Путятин остановился у американца Канингхама, уполномоченного фирмы «Рассел», торговавшего компанейским товаром. Канингхам – американский консул и одновременно он – русский консул.

За обедами у Канингхама адмирал перезнакомился с шанхайскими английскими купцами. Им известно, что Путятин служил в Англии, женат на англичанке. Об этом не говорили, как принято в хорошем обществе.

Нессельроде был прав, назначая Путятину командующим экспедиционной эскадрой. Содействие и доверие англичан Путятину выказывались более, чем кому-либо другому. А Рикорд хотел, чтобы в Японию шел Муравьев! Английские купцы жаловались на китайцев, советовали адмиралу действовать решительней.

Известно, что русские суда идут на Аляску и Камчатку, и для этого Путятин запасался в Шанхае углем и продовольствием. Но вскоре всем стало известно, что адмирал зайдет в Японию. И эта цель Путятину была понятна англичанам.

Впоследствии, приходя в Шанхай для пополнения продовольствия, как считалось, Путятин узнал от Канингхама о движении американской эскадры, о приготовлениях английских и французских эскадр к войне и получил все необходимые сведения о торговле англичан. Англичане ввозили в Китай сотни тысяч дюжин изящных носовых платков, скатерти, женское белье, изделия из коттона, гвозди, инструменты, ласточкины гнезда для аристократических кухонь и опиум. Вывозили: чай, рис и бобы, шелка и фарфор. Год от года ввоз и вывоз всех товаров быстро рос.

Канингхам обещал продолжать сбор сведений.

Казалось бы, Путятин сразу же обогнал Перри, установив с японцами лучшие отношения и получив их обязательство. Но что же теперь? Перри воспользовался войной. Он заключил договор, обогнал Путятину.

Путятин не хочет отступать. Он снова идет...

– Основатель Гонконга Эллиот, говорят, отличный художник и разочарованный человек, – сказал Путятин. – Его сами же англичане удалили и не признают.

Дверь распахнулась, и открылся вид на высокое и чистое, совершенно красное от разгоревшейся зари небо. Донесся утренний, особенно чистый и свежий, воздух. Море шумело легко, и кричали птицы.

С трапа, перекинутого из новой избы без крыльца на траву, молодой офицер перешагнул через порог.

– На вельботе прибыл за вами, Евфимий Васильевич!

Адмирал Путятин встал. Адмирал Невельской погасил фонарь и свечу.

По отмелям и между пеньков солдаты шагали на салют к батарее. Пахло казармой, карболкой и табаком. На пристани строился почетный караул и сверкали трубы оркестра.

К вельботу адмиралы шли по завалам мокрых водорослей, как по свежему сну в воде.

Наступал день отплытия в большое и трудное плавание, 24 сентября 1854 года.

На пустынном просторе печально стояли два корабля без парусов.

Глава 2

Два новых порта

Тяжело груженный фрегат с заполненными парусами шел легко, рассекая ударами форштевня накатывающие мутные волны. Над пеной волн неслась молодая богиня с высокой грудью и гордо поднятой головой. Она, казалось сейчас свободному от вахты лейтенанту Алексею Сибирцеву, вела на открытие этот стройный корабль со всей массой офицеров и матросов.

Алексей так и сказал Вере год назад, когда уходили из Кронштадта, чем немало смутил ее. Право, Верочка Вергильева походит на Диану; дать ей копьё в руки, лук, диадему как месяцу и – на колесницу. Вера высока ростом, почти с Алексея, отлично ездит верхом, в бальном платье ее белые плечи, как у метателя диска.

Какие диадемы и сокровища привезет ей Алексей Сибирцев из экзотических стран?

Вот она ведет нас, может быть, на подвиг, не страшась пляски гребней, скользит над волнами, и потоки струй, как ее распущенные волосы, охватывают весь корабль. Затекали по краям и почернели нижние тяжелые паруса.

Девственная богиня и адмиральский флаг на мачте – вот символы, под которыми пройдет плавание, а может быть, и неравная смертельная схватка с врагом.

Адмирал, верно, готов ко всему, он знает, на что идет. Вон на мостике его высокая фигура в фуражке с красным околышем. Евфимий Васильевич сумрачно смотрит на отдаляющийся берег.

Мыс Лазарева с сопкой в скалах отплывает за кормой. Сдвигаются березняки в желтой листве и вырубки с казармами и офицерскими флигелями, насыпи земли с торчащими жерлами корабельных орудий. Мыс становится все ниже и длиннее, словно вытягивается, и наконец сливается с тайгой на Сахалине в сплошной берег, закрывая пролив, как ворота.

«Остров богатств и пастбищ... Климат умеренный» – так прочел недавно Алексей Николаевич в книге Крузенштерна из адмиральской библиотеки.

Будущие поколения построят мосты, соединят остров с материком. Уже сейчас здешние деятели мечтают о смелых планах и хотят протянуть железную дорогу от Петербурга к берегам Тихого океана, пробивая хребты и перекидывая мосты через реки и проливы.

Повернувшись на каблуках, Алексей Николаевич прошел за рубку. Полукруглую корму фрегата ниже огромного двуглавого орла и балкона адмиральской каюты облегал кранец, сплетенный из канатов в форме полумесяца.

На длинном буксире, роясь в волнах, шла вдали разоруженная «Паллада». Остроликая богиня в шлеме падала лицом на воду, словно рыдая и пытаясь привести себя в чувство. Когда она окуналась головой в волну, ветер вздымал вихри ее поседевших косм.

Молодая и торжествующая «Диана» вела в тихую гавань постаревшую и покинутую богиню. На «Палладе» теперь чужие люди. Как только «Диана» выведет ее подводным каналом, фарватером течения Амура, которое тут продолжается в море, и «Паллада» окажется на глубине, на ней поставят паруса на фальшивом вооружении.

Вон видно, как к штурвалу, где стоял рулевой, подошел коренастый человек в черной шинели с золотыми пуговицами. Он что-то сказал рулевому. Потом быстро перешел к одному из матросов, работавших на палубе, что-то стал объяснять и взял его за ворот куртки. Сразу можно догадаться, что капитан Лесовский отдает распоряжение.

А берег мыса Лазарева уже синь, как далекое облако вокруг купола сопки. «Прощайте, товарищи», – думает Сибирцев. Еще в начале плавания в Атлантическом океане Алексей Николаевич спрашивал Александра Можайского, как должно поступать, когда чувствуешь себя оскорбленным за людей.

Как вообще должен поступать благородный человек в эпоху, когда несправедливость и беззаконие так привычны и многочисленны, что борьба против них представляется чуть ли не бесполезной? Саша Можайский, увлеченный своими научными экспериментами, кажется, наблюдал лишь за жизнью в физической среде, а не в обществе. Скольжение плоскости в воздухе, фотография и законы светописы, значение гребного винта в воде и множество других предметов целиком поглощали его.

Странно было слышать, когда такой могучий человек отвечал, что каждый из нас бессилен. Однако добавил потом, что не совсем так, а это лишь кажется. Если я бессилен остановить кулак капитана, то я могу помочь человеку в более широком значении... Кто дает деятельность и возможность творить, невольно является моим союзником, и наоборот. Человек бессилен, пока не познает законы природы.

Леша наблюдал в Портсмуте, как глубоко бесправны и нищи люди без средств или страдающие болезнями, или просто стоящие на нижних ступенях общества, хотя там, казалось бы, все свободны и независимы по закону. А живут в нужде и унижении, но под гипнозом сознания достоинства.

Лейтенант барон Шиллинг, проходя, заметил, что Сибирцев смотрит на «Палладу», где Степан Степанович действует согласно собственным понятиям о долге и дисциплине.

– А у нас теперь можно вздохнуть свободно, пока нет капитана, – приостанавливаясь, сказал барон.

Алексей Николаевич знает – все офицеры рады, что капитан, хотя бы временно, перешел на разоруженную «Палладу». Впрочем, может быть, присутствие адмирала, поднявшего свой флаг на «Диане», остепенит его.

Капитан нелюбим. Во время перехода через Атлантический и Тихий океаны все узнали его жесткий нрав.

Алексей Николаевич и сам наказывал за небрежность, опасную для всех, когда и не обойтись иначе, по понятиям общим. Алексея и самого били в корпусе, как и всех прошедших через закрытые военные учебные заведения. Били старшие кадеты, когда учился в младших классах, объезжали, вскакивая на плечи и заставляя катать себя. За провинности кадетов начальство секло беспощадно или слегка, но при порке еще постоянно приходилось присутствовать, и иногда весь строй детей в военной форме, вытянувшись перед истязаемым товарищем, не выдерживал, выкрикивая сначала вразнобой, а потом хором: «Хватит, хватит, довольно, довольно!» Детские голоса становились все отчаянней, не слезы, а мужество слышалось в них.

Но за последние годы Алексей Николаевич, более под воздействием гуманных философских взглядов, доходивших в образованную среду морского офицерства через книги, стал ощущать всю свою высоту, чистоту и благородство, когда чувствовал, что руки его чисты, что он не съездил по роже матроса, когда было «положено», а мог бы это сделать, «съездить» его по тройному праву: как нижнего чина, как крепостного и как сам битый, драный, приученный с малых лет к сечке, лупке, порке, дранью, к голоду, к невероятному физическому напряжению и терпению. Знаменитый Иван Федорович Крузенштерн старался смягчить нравы кадетов и способы их воспитания в корпусе, будучи его директором. Но и при нем придерживались все же западной, немецкой, даже прусской, системы выработки характера и мужества в военных учебных заведениях.

Били не только в России. Били в Англии, драли и секли благородных лордов, потомственных моряков. Всюду драли. Поэтому и пробуждался такой могучий протест в обществе всех стран Европы против телесных наказаний. Даже в Америке начинали говорить о правах негров.

В портах строго следили за матросами, чтобы не дрались, не безобразничали. Наверно, ни один флот не являлся в порты государств с такими образцовыми, покорными и прилежными матросами, как русские под надзором унтеров и лейтенантов.

Достойным противником для драк считали англичан. И русскому доставалось, и британцу прилетали плюхи.

«Но ради чего погибнут сотни тысяч молодых жизней в этой войне? – подумал Алексей Николаевич. – Ради гордости против гордости? Осиротевшие семьи пойдут на поклон к меняле, ростовщику, продадут дочерей, попадут в когти, которые куда нестрашней британской гордости». Ему стало стыдно своих мыслей.

– Ваше благородие, – послышался за спиной голос боцмана, – поберегитесь.

Матросы, босые, в парусиновых штанах и в просмоленных куртках, отводили снасть.

На «Диане» почти тридцать офицеров и более пятисот матросов. Адмирал выбрал лучших из экипажей «Дианы» и «Паллады». Остальные офицеры и матросы «Паллады» и «Дианы» временно вписаны на берег в распоряжение адмирала Невельского, который хочет их вооружить топорами.

На «Диане» теперь не всех офицеров знаешь, здороваешься за столом, отдаешь честь или стоишь на молитве, служишь с ними плечом к плечу, но подлинных знакомств с палладскими еще нет. Алексей Николаевич сходится с товарищами быстро и легко, может свободно заговорить и даже приноровиться к собеседнику. Но, знакомясь, умеет держаться на расстоянии. У него всегда много товарищей, но дружит он с немногими.

По борту быстро, мелкими шажками прошел, никого не замечая, лейтенант Можайский. Он наблюдал полет какой-то черной ширококрылой птицы.

– Здоровый у них лейтенант, – сказал слегка конопатый матрос Василий Букреев, дивясь саженному росту Можайского. – Давеча они с Евфим Васильичем стояли. Так лейтенант выше.

Василий закрепил снасть и стал глядеть на фрегат на буксире.

– Идите, ребята, – молвил боцман Черный.

– Пойдем закурим, – сказал Василию матрос Сидоров.

– И что он все смотрит? – спросил Васька про лейтенанта.

– Верно, хочет нарисовать.

Команда вышколаена. Букреев умеет взбежать по вантам, не держась пробежать по рее. Да никогда бы прежде не поверил, что человек на это способен. А прошли годы, и он сам всему обучился. Теперь матрос первой статьи ходит по дереву, как кошка, а не человек.

– Мордобой, сука, на «Палладе»! – сказал Васька про капитана Лесовского.

– Свое отслужила, – задумчиво сказал Митрий.

Корабль шел, не уменьшая парусности. Адмирал на мостике. Он не приказывает рифить. Значит, шторм не разыграется.

«Приготовиться выбирать буксир», – раздался условный свисток. Матросы поднялись и побежали на корму. На «Палладе» отдали буксир. На корме «Дианы» стали крутить лебедку, выбирая канат.

Адмирал отковырял офицерам и сошел с мостика. Лейтенант Пешуров, с юношеским пушком усов на свежем лице, шел с ним рядом крупным шагом, держа ногу. Адмирал шагал тяжелой торжественной походкой. Видно, что он доволен, полон решимости, воодушевления, и это чувство передавалось Сибирцеву и матросам. Корабль, со всей командой и офицерами, казалось, начинал становиться единым живым существом.

Адмирал прошел вниз, к себе в салон. На стене висела сабля, подарок японского посла, та самая, которой срублено при испытании три человеческих головы. Путятину не по душе все эти жестокости, и в свое время он мысленно помолился за упокой душ трех мучеников, погибших при казни.

– Букреев, живо... Корабельного плотника к адмиралу! – сказал боцман Черный.

– Эй, Глухарев, тебе к адмиралу. Он к себе пошел в велел тебя позвать.

– Позовите, ребята, Глухарева... Эй, живо!

– Да вон он, здесь. Чего кричишь? Идет.

Через некоторое время адмирал вызвал лейтенанта Сибирцева.

– Пожалуйста, садитесь, Алексей Николаевич. Довольны вы книгой Крузенштерна? Я бы хотел, чтобы вы занялись японским языком.

– Я охотно... – несколько растерявшись, ответил Алексей Николаевич.

– Пожалуйста, пойдите к моему секретарю Осипу Антоновичу Гошкевичу и скажите ему, что я просил заняться с вами японским языком.

– Многие английские офицеры, с которыми мы, видимо, не раз встретимся, – участники китайской войны за право ввозить опиум в Китай, – рассказывал у себя в каюте Гошкевич. Он молод, велик ростом, у него модно выстриженная белокурая голова. Его длинные ноги в полосатых штанах, а по светлому жилету пущена золотая цепочка с брелоками. – Теперь англичане подымут свою китайскую эскадру против нас и пришлют винтовые суда из Гонконга. Новый их город и порт Гонконг – прелюбопытнейшее место. Но климат гнилой. Еще увидим с вами гонконгские крейсера!

Дианские офицеры и матросы с охотой слушают рассказы своих палладских товарищей, побывавших в Японии. Гошкевич сразу после окончания семинарии служил много лет в Китае при православной духовной миссии, которая существует в столице Китая с семнадцатого столетия, с тех пор, когда пала русская Албазинская крепость на Амуре. Тогда китайский богдыхан разрешил открыть в Пекине русскую духовную миссию для взятых в плен на Амуре и уведенных в Китай казаков-албазинцев. В Пекине построили православную церковь, дома для миссионеров, службы, школу для детей и общежитие, и все под черепицей и за низкой каменной стеной, крытой черепицей же. Получив смолodu прекрасную практику в Пекине, Гошкевич свободно говорит и пишет по-китайски, может письменно объясняться с японцами иероглифами, которые в японском и китайском языках разное произносятся, но имеют одинаковое значение. За время стоянок в Нагасаки Гошкевич порядочно изучил японский разговорный язык и, собственно, японскую слоговую азбуку. Алексей Николаевич полагает, что на занятиях сможет узнать от молодого ученого, дипломатического секретаря еще многое, что очень важно и нужно для офицера, идущего в Японию.

Алексей Николаевич чувствовал, что Евфимий Васильевич, кажется, благоволил к нему. Надо не разочаровать адмирала! Трудная задача, тем более придется учиться по-японски! Никогда бы и в голову не пришло самому что-то подобное.

Поговорили с Осипом Антоновичем, условились о занятиях и разошлись.

На судне тихо, как всегда в самом начале плавания, когда только что пошли. Прекратились суета, прощания, умолкли голоса. Чувствуется по всему, что дело начато, наступила новая пора. Офицеры разбрелись по каютам, разбираются там с вещами и с делами, может быть, записывают впечатления, каждый ведет дневник. Шутка ли, идем в Японию! Все записки будут потом интересны.

«Пора и мне», – подумал Александр Федорович Можайский, глядя на опустевшую палубу.

Согнувшись пониже как только мог, чтобы не задеть головой о прикрытие над трапом, мелкими шажками скатился вниз. Вошел в каюту, сбросил шинель и сел к столу, где книги, и наглухо упакованные ящики с серебряными пластинками в футлярах для съёмок дагерротипом, и химические растворы в бутылках. На спинке стула висит пробковый пояс. Саша посмотрел на него. «Что-то будет...» – подумал он и закинул пояс на принаитовленный к переборке шкафчик.

Ночью наверху забегали, началась возня, словно что-то волочили по палубе. Алексей Николаевич засветил свечу и посмотрел на часы. Скоро склянки. Пора на вахту.

Загрохотал якорь. Дважды ударили в рынду. Слышны были крики. Травили канат через носовой клюз.

Лейтенант поднялся наверх. Воздух прохладный, но гораздо теплее, чем на мысу Лаза-рева. При свете полной луны виден черный силуэт берега. У подножия горы мелькал одинокий огонек.

- Сдаю вахту в совершенном порядке, – сказал лейтенант барон Шиллинг.
- Благодарю вас, господин барон, за отличную погоду. Мы в Де-Кастри?
- Так точно, господин лейтенант. У входа в бухту.
- Спасибо, Николай, – дружелюбно молвил Сибирцев. – Иди и спи спокойно.
- Спасибо, Алексей!

Подошел старший офицер Александр Сергеевич Мусин-Пушкин, или, как все звали его на корабле, Александр Сергеевич Пушкин. У него густые усы, как щетка, и большие уши.

...На рассвете потянул холодный ветерок, поставили паруса и вошли в бухту. Отдали якорь и выпалили из пушки. С берега ответили из-за берез дымком и слабым выстрелом единорога.

- Даже наказывать людей не за что! – мрачно пошутил Мусин-Пушкин.

Все делалось быстро и аккуратно. И этот камень, как понял Алексей Николаевич, в огород Степана Степаныча. Ведь он бы нашел, за что!

К борту «Дианы» подошел баркас. По трапу поднялись морской офицер с глубоко запавшими щеками и румяный казачий урядник с ружьем. Офицера провели к адмиралу. Урядник отвечал на расспросы матросов.

В баркас погрузили мешки с мукой.

Вскоре офицер, урядник и казаки, сидевшие на веслах, отвалили.

Адмирал пригласил к себе Алексея Николаевича и попросил доставить на берег визит и подарки для Елизаветы Осиповны, супруги начальника поста Александра Васильевича Бачманова.

Солнце сильно грело. Окно офицерского флигеля открыто. На крыльце Алексей услышал, как приятный женский голос что-то читает вслух по-английски. Сибирцев не удивился бы, если б читали по-французски.

Встретил приезжавший на судно офицер. Жена его поздоровалась и вышла из комнаты. На круглом столе английский журнал «Иллюстрированные лондонские новости».

На другом столе бумаги, какие-то планы, циркуль, линейка и карандаши на александрийском листе, прикрепленном кнопками. Начат какой-то чертеж.

Переодевшись, Бачманова возвратилась и пригласила гостя в столовую.

В окно виден барак, крытый корьем, две пушки за земляным бруствером и березы на берегу моря.

Бачманов стал рассказывать про экспедицию, в которой служит. Он, инженер, приглашен Невельским из Петербурга, чтобы построить здесь первый винтовой пароход для будущего Тихоокеанского флота. Но пока ничего этого начать нельзя.

Бачманов послал великому князю Константину проект усовершенствованной паровой машины. В избе, на берегу замерзшего Охотского моря он чертил детали своего изобретения под вой пурги.

Ответ из Петербурга получен сегодня. За отличный проект машины для кораблей с гребным винтом Александр Васильевич высочайше награжден изумрудным перстнем.

Большой док на Амуре строить не разрешено. Южные гавани, как пишет Невельской, занимать пока не велено. В Николаевске строится малый эллинг. Проект машины Бачманова передан столичному заводу.

Бачманов временно назначен, за неимением другой должности, а также по знанию им иностранных языков, начальником поста в бухте Де-Кастри, где надо строить флигель, казарму и склад и придется еще встречаться с иностранцами.

- Ну а какие ваши идеи, молодой человек? – вдруг весело спросил он.

Лешу в глубине души покоробило. Под словом «идеи» за последнее время в офицерском обществе принимается бог знает что, и вообще это слово употребляется лишь в ироническом смысле.

– Мои идеи? – в тон Александру Васильевичу, но и с некоторой заносчивостью сказал он. – Умереть за веру, государя и отечество...

После чая Бачмановы предложили пойти прогуляться и посмотреть новый пост. Час оставался у Алексея Николаевича в его распоряжении.

Елизавета Осиповна Бачманова говорила по-русски с легким акцентом.

– Здесь мы лето прожили, как на даче. К зиме мы переедем в город, где мой муж очень увлечен проектом на доке.

У вельбота Алексей Николаевич простился с гостеприимными хозяевами.

В шлюпке он вспомнил про изумрудный перстень и южные гавани. Что-то теплое и заманчивое послышалось Алексею Николаевичу в суждениях супругов. Их тут всех влечет на юг, как в штормовой ветер. Что же там, в этих солнечных гаванях, заросших по берегам дубовыми лесами и виноградом? Сибирцев почувствовал, что и он невольно поддается, что и его тянет туда же. Говорят, оттуда близко до Японии, Китая, Гонконга... Изумрудный перстень, проект новейшей машины, красавица англичанка, березовые леса, тюльпаны в зеленой траве...

Возвратившись на «Диану», доложил Евфимию Васильевичу, что подарки с почтительностью приняты, а в ответ прислана для кают-компания бочка с клюквой и свежая рыба для команды.

Сибирцев не сдержался и заговорил про бухты на юге края.

– Я был на «Палладе», – мрачно сказал Путятин. – Там наше будущее!

Но между ним и этим будущим стояли почти непреодолимые препятствия.

«Госпожа Бачманова – англичанка. Как странно! – думал Алексей, спустившись к себе. – Гарнизон Александра Васильевича наготове для отражения англичан и французов. Жена Муравьева – француженка, жена нашего адмирала – англичанка. У нее родня в Ливерпуле. В этом обществе и различий не чувствуется. В то же время братья и кузены губернаторши и адмиральши ждут нас в море и постараются пустить на дно. Долг их? Долг наш? Нет, что-то еще не угадано человечеством и, право, обедняет нас. Как это странно. Кажется, начинаешь в путешествии отвлеченно мыслить? Не развивается ли способность анализировать? Или, чего доброго, займешься изобретениями, как Александр Можайский!» Изготовление машин – привлекательнейшее занятие и для Сибирцева.

Через два дня «Диана», спустившись южной, пошла на сплошной «железный» берег, словно желая удариться о скалы и разбиться. Открылись каменные ворота, словно раздвинулись кулисы в театре. На «Диане» убрали паруса, спустили баркасы и шлюпки. Фрегат пошел в каменные ворота на буксире гребных судов.

Сопки горят на солнце осенней желтизной. Да, тут хорошо! Хотя это еще не заветный юг. Жара, как в разгар лета. Дома, склады и казармы с дверьми и окнами, которые забиты досками, начатая церковь – все цело. Даже брустверы укреплений, на которые адмирал нынче летом ставил орудия, снимая их с кораблей. А потом опять пушки пришлось подымать на суда.

Дианские офицеры рассматривали в подзорные трубы заливы и бухты, расходившиеся в глубокую даль между осенних сопки, осыпанных рыжью берез и лиственниц, как мелкой щетиной. Вода неподвижна. Это чистейшее зеркало, не верилось, что неподалеку, за каменными воротами входа в бухту, в отвесы берега била океанская волна.

Алексей Николаевич теперь все сильнее и сильнее желал увидеть таинственные заливы и бухты юга, скрытые за островами среди гор и скал, оплетенных лесами и виноградниками.

...Впервые Евфимий Васильевич прибыл сюда нынче ранним летом, начал укрепляться и ждать врага. Сейчас он почувствовал, что уже связан с этой землей. Не хотелось бы отступаться от начатого тут дела. Он подумал, что придется ему заботиться об устройстве этой гавани,

может быть, со временем строить тут порт, и как знать, не окажется ли это чем-то более нужным и важным, чем многое другое.

Он сам описывал никем не занятые гавани на юге, и самую большую из них назвал в честь Константина Николаевича Посыета.

Узнав, что война началась, он прервал опись и пришел с флотом сюда, в залив Императора Николая, поближе к устью Амура.

В этой гавани не только временное убежище его эскадры, ушедшей от встречи с врагом. Вид просторных бухт, закрытых от ветров, сам за себя говорил. Берег тут приглуб, удобен для устройства причалов, для самых больших судов. И Япония рядом.

Но адмирал знает, что пока еще не смеет обольщаться подобными планами.

Казачи, охранявшие пост, выстроились на берегу. На стене казармы сушились на солнце шкуры лосей и медведей. На вешалах красными гроздьями висит рыба.

– Дьячков, как ты тут управлялся?

– Слава богу, Евфим Васильич.

– А-а! Молодец.

– Рад стараться.

Утром на кладбище, где похоронены казаки и матросы, выстроились две роты из экипажа «Дианы».

– На молитву шапки долой! – раздалась команда. Обнажились головы. Отец Василий Махов в облачении читал молитву. Запел матросский хор. Люди смотрели на бугры, поросшие травой, с едва потемневшими крестами из лиственницы, и почти каждый думал о том, что и где ждет его, в какой бухте и когда придется лечь под таким же холмом...

«Палладу» поставили под лесистым скатом и подтянули канатами, закрепив их за свежие пни. Команда убрала фальшивое вооружение, скатала ненужные теперь паруса. Довольный, раскрасневшийся Степан Степанович возвратился на «Диану». Выкаченные белые глаза его бежали палубу, снасти, ванты, лица людей.

– Казаки с «Палладой» не управятся! – сказал капитан, сидя в салоне у Евфимия Васильевича.

Ночью ударил мороз. Офицеры и матросы, несшие вахту, надели полушубки. Небольшой ветерок с моря жег лица, как в стужу. Утром палубы обоих фрегатов, мачты и все надстройки белы от инея. Белы крыши зданий на берегу. Яркое солнце вышло из-за сопки, ударило горячими лучами, палуба намокла, а на берегу хлынуло с крыш, как в ливень.

– Мне не хочется оставлять тут наших людей. Однако есть опасность, что если поручить наблюдение за «Палладой» казакам, то они не справятся и в случае нападения фрегат достанется англичанам, – говорил адмирал в этот день, идя с Посыетом и Пешуровым над обрывом среди кустарников, на которых кое-где еще уцелели одинокие желтые листья. – Придется половину здешних казаков заменить нашими людьми.

На корабле Путятин приказал капитану:

– Оставьте здесь пять человек матросов. Выберите унтер-офицера, оставьте продовольствие, оружие, порох, все инструменты и зимнюю одежду. До прибытия назначенного сюда адмиралом Невельским нового начальника поста прапорщика Кузнецова с мыса Лазарева назначьте временно исполняющим обязанности командира порта унтер-офицера Мокрушева. В помощь ему останется урядник Пестряков. Он здесь все знает. Пятерых казаков возьмем с собой. Они еще пригодятся. Все зимовали на Сахалине и знают японцев.

Адмирал сам отдавал инструкции унтер-офицеру и уряднику.

– Постоянная вахта должна быть у вас у входа в гавань на острове Устрица. Сами начеку, и все наготове, чтобы корабль взлетел на воздух, едва приблизится враг. Мокрушев, не держи людей без дела. У меня шестьсот человек, а у тебя с Пестряковым десять, и тебе трудней моего. Каждый человек на счету. Не дай бог, начнут ссориться от безделья. Занимай их рубкой леса,

посылай на охоту. Зимой надо выкалывать лед, как делается у нас на Неве. На «Палладе» остался запас муки и соли. Выгрузите все и свезите в амбар. Порох, кроме заряда для взрыва, свезите на берег и поместите в погреб, который вырыли летом. Подведите шнур к пороховому погребу. Держите наготове бочки с порохом на «Палладе». У Пестрякова есть упряжка собак, для них надо наготовить юколы. Надо наморозить рыбы для команды... Занятия продолжать обязательно. Учите людей строю, шагистике и ружейным приемам, чтобы без дела не скучали.

– Да, тут много наших померло. Зимовали экипажи «Иртыша» и компанейского корабля, – объяснял палладский матрос своим новым дианским товарищам. – Если бы мы на «Палладе» не успели, они все погибли бы от цинги и голода.

Адмирал стоял наверху. Отправив десант на берег, он оглядывал с юта синие дали бухт среди желтых лесов и черных скал.

...Можайский объяснял юнкеру Корнилову про светочувствительность серебряной пластинки и про влияние паров ртути на закрепление изображения.

– Ненавижу англичан! – сказал Сибирцеву штурманский поручик Елкин. – Неужели они и сюда доберутся... – Елкин закончил промеры, вычертил и сдал карты. Он поднялся посмотреть еще раз на необыкновенную гавань перед уходом.

– Повидали два новых порта? – спросил его Алексей Николаевич. – Зарисовали их, описали в дневнике?

Все готово к уходу в плавание, но «Диана» почему-то задерживается, словно адмиралу, который так рвался в Японию, жаль вдруг стало покидать свои берега.

– Никуда не пойдем, господа, не распаяйте своего воображения, – сказал Елкин. – Адмирала нашего плохо знаете. Он пошел в Японию, а теперь начнет сомневаться, колебаться и кончит тем, что останется тут на зимовку. Императорская гавань – это дыра, где вечно будут мереть люди от цинги. Кто сюда дойдет, тот не выберется. Тут голодней, чем на Аляске.

Можайский полагал, что поручик ошибается. Адмирал входил во все детали предстоящих съемок дагерротипом. Не здесь же мы будем этим заниматься!

Путятин ушел к себе, сидел в каюте и думал, что на устье Амура он, кажется, освободился от всех неприятных ему людей. Все готово к уходу в дальнее плавание. От всех интриг освобожден... От капитана Унковского с его странностями. Но, кажется, опять неприятные проявления начинаются. Люди не заняты делом, как следует. Распущены. Поэтому не умеют держать себя в железной узде, позволяют себе ослаблять нервы. От всех освободился, кто мешал, но человек грешен... И от себя не освободишься...

Что, если Япония имеет большое значение не для Петербурга, а для нашего будущего здесь? Петербург и Москва пока очень далеки отсюда. Хотя каждый раз, когда Евфимий Васильевич пишет бумаги канцлеру и министру иностранных дел Карлу Васильевичу, он чувствует себя на такой служебной высоте и при исполнении такого высокого долга, словно и не уезжал из Петербурга. Но сегодня эта высота мешает Евфимию Васильевичу, ему кажется, что, может быть, отдав распоряжения остающимся здесь морякам и солдатам, он и дальше должен бы действовать в этом же духе. Но тогда опять Петербург тускнел и куда-то отступал, а этого тоже нельзя позволить. Являлась какая-то двойственность, опять нет покоя! Хотя избавился от тех личностей, которые, служа на «Палладе», составляли отдельное, несогласное с адмиралом общество и тормозили дело.

Через окно в салоне Евфимий Васильевич смотрел на берег, он вспоминал, как сам жил здесь. «Это мое завоевание, совершенное без опиума и без водки! Мы еще придем сюда... Я еще приду. Еще много придется потрудиться для этой земли. Эта гавань – загвоздка».

Адмирал встал и прошелся по салону.

«Если посол петербургского правительства так задумывается, что это означает? Что-о?» – хотелось завизжать, сжав кулаки.

В Нагасаки так случилось с Евфимием Васильевичем, что он оборвал переговоры, и об этом офицеры его рассказывали на мысу Лазарева и на устье Амура. Он еще 4 января предлагал японцам заключить договор. Уполномоченные ответили, что договор будет и Россия получит все преимущества, но пусть пройдет время, сейчас умер старый сиюгун, молодому сиюгуну нельзя сразу изменять политику, послы сами ничего не могут решить без согласия высшего правительства. Путятин заявил, что поскольку у них нет полномочий, то он уходит. А уходить надо было не из-за этого. Ждали объявления войны.

Офицеры расхвастались потом в Шанхае и в Гонконге про удачные переговоры и про обещание, данное японцами. Преувеличенные сведения об успехе русских передавались европейскими купцами. Американцы приняли эти известия очень серьезно и сразу взялись за дело. Первое в истории соревнование между русскими и американцами, и что же теперь? В газетах есть сообщения, что американцы уже заключили договор. Как они действовали? Подробности пока неясны.

Чего только ни пришлось наслушаться у своих берегов за эти два месяца. «Они злы здесь, словно сидят со связанными руками и ненавидят мое посольство больше, чем французов. Карл Васильич им мешает! Что они только про него не толкуют! Что же скажут про меня?» Да так и скажут:

«Японцы куда благородней, приятней, и дипломатическая борьба с ними, скажут, ему куда более подходит, чем забота о коренных интересах России, благо, мол, что он и выглядит там, как просветитель...»

– Дьячков, ты, говорят, знаешь по-японски? – спрашивал адмирал у низкорослого смуглого казака.

– Маленько обучился.

– Где же ты учился?

– В крепости жил, на Сахалине, всю зиму.

– Да, я знаю! Что же ты там делал?

– Мне их благородие, господин Буссе, велел быть переводчиком.

– А ты?

– Я старался, ваше превосходительство.

– Будешь учиться и дальше.

– Рад стараться, ваше превосходительство.

– Были у тебя знакомые японцы?

– Много было.

– Как же они с тобой обходились?

– Очень хорошо, ваше превосходительство. Да со мной все хорошо. Чего с меня возьмешь!

Адмирал вызвал Лесовского и отдал приказание:

– Молебн перед отходом. Туман разойдется, и пойдём.

Утром Дьячков стоял в строю. Сам он не пел, но слушал и чувствовал всю красоту пения. Как-то легче идти после такой торжественной службы. Нравилась ему и набожность адмирала. И капитан молился! Еще молодой, а, говорят, живодер, всем зубы чистит.

– Дождь был? – спрашивает кто-то тихо.

– Ты что?

– Почему палуба мокрая? А небо ясное, как летом.

– Да ведро.

«Все кончено, господа! – хотелось бы сказать адмиралу, обратясь к офицерам. – Прощай, наша верная “Паллада”! Обошла вокруг света и теперь встала без мачт в пустынной гавани подле крестов наших первых открывателей!» Но он не умел говорить речей.

Адмирал перекрестил на прощание урядника и своего унтер-офицера, обнял их и поцеловал.

Шлюпка отвезла их на берег. Мокрушев и Пестряков выпрыгнули на песок.

Когда на буксире гребных судов «Диана» пошла к выходу из гавани, на берегу, среди пеньков, грянул залп. Матросы в куртках и забайкальцы в папах и полушубках, туго затянутых ремнями, салютовали, подняв вверх штуцера и кремневые ружья.

Адмирал ушел в каюту и задумался над картой, вычерченной поручиком Елкиным.

Вскоре корабль начало покачивать. Наверху слышался надежный голос Степана Степановича.

«Диана» почувствовала первые удары морских волн...

Глава 3

Переход в Японском море

Серый осенний день. Море чуть морщится и кажется под серым небом маленьким, как небольшое озеро. Ровная поверхность воды без берегов окружает корабль со всех сторон одинаковым кругом. «Диана» все время в центре этой площади, и кажется, что она с наполненными парусами стоит на месте, хотя под бугшпритом журчит рассеченная вода.

В Японском море довольно прохладно. Адмирал не хочет снова идти в открытый для «варваров» порт Нагасаки. «Диана» идет к Сангарскому проливу в Хакодате. Этот порт у дальнего выхода из пролива в океан должен быть уже открыт для иностранцев, по заключенному американцами договору. «Да, любопытно, – думает Алексей Сибирцев, – откроется ли Япония? Даже себе не веришь! Однако идем!»

Ночью Алексей стоял на вахте. Делали обсервацию, и получается, что остров Матсмай² близко. Какая-то будет погода! Сегодня пятница. Вышли из Императорской в прошлую субботу. Позавчера «Диану» прихватил прошедший стороной шторм.

– Идемте в кают-компанию, господа, – появляясь на палубе, сказал лейтенант барон Шиллинг, обращаясь к свободным от вахты юнкерам Лазареву и Корнилову, которые о чем-то говорили горячо.

– На выставку, Алексей Николаевич, – подходя, сказал штурманский поручик Елкин, – посмотрим новые произведения Можайского!

Елкин белокур и белобров, как альбинос, от этого румяное лицо его кажется красным, как кумач.

– Рад, что ошибся в своих предположениях и зря побрюзжал? – ласково спросил Сибирцев, беря Петра Ильича под руку.

Елкин скатился по трапу и, не сбавляя шага, пошел по кают-компанию:

– Знакомые вам ландшафты Императорской гавани... Портрет тунгуса Афони... Могилы наших солдат и матросов! Дагерротип с изображением капитана... Может быть, впрочем... – Он сделал полный оборот, как в строю. – Автор сам даст объяснения?

Александр Федорович Можайский сидел в кресле, выпрямив спину, как на параде. Он вытянул шею, держа в руке кисть, как ручку, с которой могло капнуть.

Ему, видно, хотелось пустить чего-то яркого в осеннюю желтизну хвойных лесов, на сопках обступивших трещины синих бухт. В одной из них с черными мачтами стояла «Диана», а поодаль – плоская, залитая солнцем пустая палуба «Паллады».

– Какая женщина, господа! Где вы нашли такую, Александр Федорович? Маг и волшебник!

– Господа! Адмирал не разрешит держать эту картину в кают-компании! – заявил толстый мичман Зеленой.

– Да в салоне у него висит лондонский лубок: красивая жена фермера гладит сытого петуха, – заметил лейтенант Карандашов. – Даром, что одета, а вполне неприлична!

– Так это вы японцам? – спросил Шиллинг.

– Говорят, главный их посол – любитель женщин и немножко циник, – не глядя на картину, заметил Можайский, все еще поглощенный своим пейзажем.

– Японцев не удивишь изображением голой женщины.

В кают-компании все стихли. Можайский сообразил, что вошел капитан.

– Я уберу эту картину в свою каюту, – сказал он поспешно, кинув взгляд на Лесовского.

² Теперь – Хоккайдо.

– Да нет, пожалуйста, пожалуйста, – холодно ответит капитан и прошел на свое место.

Двое огромного роста матросов в белоснежных костюмах стали вносить обед. С супниц снимали крышки. Разнесся приятный запах борща. Елкин запнулся за стул и неловко оперся на плечо барона.

– Простите...

– Пожалуйста, – ответил Шиллинг.

У капитана широко открытые глаза смотрят с неизменным гневным удивлением, словно он всегда видит беспорядок. Когда идет по палубам, кулаки его, кажется, сжаты наготове.

– Копия Венеры Веласкеса, – сказал Степан Степанович, вглядываясь в картину.

Можайский ответил, что писал на память, стараясь передать японцам что-то из знакомого и признанного.

– Адмирал посоветовал изобразить для японцев европейскую женщину.

– Чтобы они увидели да и открылись поскорей, – сострил в густые, нестриженные усы старший офицер Александр Сергеевич Мусин-Пушкин.

– К сожалению, не было натуры, с кого писать, – ответил Можайский и, поднимаясь, пошел мыть руки.

– Японские женщины некрупны, суховаты, обычно узки в бедрах, – рассказывал Гошкевич, – ноги у них не очень стройны.

– Нет, не говорите, – сказал адъютант и секретарь адмирала, его племянник Пешуров, бывший на «Палладе» в Нагасаки на всех переговорах.

Он так юн, свеж и красив, что однажды японский посол Кавадзи спросил его: «Хотите быть моим сыном?»

– А вы, лейтенант, близко видели японок? – взглянув на Пешурова своими белесыми глазами, спросил капитан.

Пешуров смолчал.

Все знают, что японцы тщательно скрывают своих женщин. Поэтому наибольшее доверие вызывали рассказы Гошкевича как знатока Азии, который умел завязывать довольно дружеские отношения с японцами.

– Да вот, господа, Елкин лучше всех знает японок! – громко добавил он.

– Да вы что, господа! Я ни единой японки не видел еще...

– Простите, я хотел сказать, гилячек...

Елкин зажмурил левый глаз, а правый выкатил на барона. Штурманский поручик – атлетического сложения и самый белокурый из всех офицеров – неизменно обращал на себя внимание всех южных женщин и пользовался у них успехом.

– А как китайки? – спросил юнкер Корнилов, обращаясь к Гошкевичу. – Вот вы прожили семь лет в Пекине. Составилось ли у вас какое-то мнение?

– В Японии вам интересно будет, – сказал, обращаясь к Можайскому, лейтенант Колокольцов. – Там все необычно. К сожалению, хотя мы долго стояли в Нагасаки, но мало видели. Как ни странно, а виды в Императорской гавани и Де-Кастри мне показались похожими на Японию. Та же игра красок.

– Вот уж ничего подобного, – перебил Елкин.

Постепенно разговор становился серьезней. Заговорили про народное восстание в Китае, про шаткость положения маньчжурской династии.

Офицеры «Дианы» не были ни в Китае, ни в Японии. Лишь на пути из Америки они прошли Сангарским проливом между Японскими островами и видели горы этой страны да кое-что подметили, приближаясь к рыбацким лодкам, которые сразу же уходили прочь. Читая книги западноевропейских путешественников, многие вынесли впечатление, что китайцы и японцы очень походят друг на друга и происходят от единого корня, что Япония – страна цветов, слабых, изнеженных мужчин и ярких женщин, похожих на фарфоровые статуэтки. Все

они с огромными черными прическами в черепаховых гребнях, и что гейши – доступны и соблазнительны.

Рассказы Гошкевича и палладских офицеров оказывались очень прозаическими, они вели речь про уголь, снабжение кораблей провизией, про американцев, японское рыболовство, несовершенство китайского вооружения и междоусобные битвы в Китае, про торговлю европейцев опиумом. Помянули и наш Амурский край. Гошкевич полагал, что через него произойдет сближение наше с Китаем более тесное, чем до сих пор.

– Китайцы и японцы – совершенно разные народы, – уверял Гошкевич. – И мне кажется, что ближайшее будущее за японцами.

– Адмирал, господа, про японок больше всех знает, только не говорит, – заметил Зеленой. – И рассказывать не будет.

– Он знает про настоящих китайских дам и аристократок. У него дар общения с этими народами.

– А все же в чем разница между японскими и китайскими женщинами? – спросил Можайский.

– Японки скромны и застенчивы, а китайки смелей, так принято полагать, – сказал Гошкевич.

– Нахальной...

– Нет, они дочери великого, уверенного в себе народа. Есть и дерзкие. Смеются, глядя вам в лицо. Шутят... В Гонконге и Кантоне лодки с девицами подходят к европейским судам. В простонародье ног им не ломают. Стоит на корме такая стройная китайночка, держит в руках длинное весло юли-юли и, покачивая бедрами, как бы пританцовывает. Китайка поднимается на борт, приберет у моряка каюту, все ему постирает, вымоет, выкрахмалит не хуже, чем в прачечной. Все приведет в порядок, а если иностранец понравится ей, то и не откажет в любви... Но в японках, видно, побольше скрытого огня.

– Что вы знаете, господа! – заметил Александр Сергеевич Мусин-Пушкин.

– Да, Гонконг, Шанхай и Кантон – это еще не Китай, – ответил Гошкевич. – В этих портах нравы развиваются в угоду вкусам англичан и вообще европейцев.

– Да нет, вот более подробно у Зеленого спросите, – заметил кто-то из молодежи.

– Что? Что? – воскликнул толстяк, косясь на капитана.

Лесовский встал, поблагодарил офицеров и ушел.

– Как-то наши злейшие враги – англичане? – перевел разговор Мусин-Пушкин, желая придать мысли молодежи боевое и патриотическое направление. – Какая мерзость, господа, – за турок заступаются!

Саша Можайский когда-то любил читать про путешествия и приключения англичан. Он упивался книгами об их открытиях. А потом об изобретениях, о применении машин в промышленности. Но при встречах с англичанами, желая выразить им свою симпатию, он всегда нарывался на высокомерие и неприязнь. Англичане настораживались при встрече с Александром Можайским, словно к нему-то и был у них какой-то особый счет. Так повторялось не раз, и теперь Александр привык, что от встреч с ними остается неприятный осадок. Он не испытывал ненависти к англичанам, но сторонился их, и былая симпатия рассеялась. А теперь началась война.

«Какая у него рука могучая», – думал Елкин, сидя подле Можайского.

– А вы японкам понравитесь! – вдруг категорически заявил ему Зеленой.

– А как они руки украшают, холят ли? Верно, простолюдинки, – как и у нас, грубы... Да что-то хочется изобразить, – сказал Можайский.

Дело до службы, казалось бы, необязательное, но многое хотелось нарисовать. И развлечь японцев своей несовершенной живописью.

– Женщины у них не сухие и не кривоногие, господа, – горячо сказал Пещуров, – с необычайной прожигающей живостью взгляда! Лишь изредка украдкой какая-нибудь осмелится взглянуть, и чувствуешь себя пронзенным...

Евфимий Васильевич пригласил к себе священника, побеседовал с ним и попросил прочитать молитвы. Адмирал встал перед иконостасом и под пение отца Василия истово помолился.

Молитва возвращала силу духа, ему казалось, что он снова обретает право смотреть в глаза своим офицерам.

Евфимий Васильевич успокоился, отпустил священника и сел за работу.

«Все в руце Божьей», – подумал он.

Адмирал признавался себе в том, что опасности велики. Он шел в Японию на единственном парусном корабле. Во всей мощи может встретить его флот противника. Но и дело без конца нельзя тянуть. Нельзя допустить, чтобы японцы, которые письменно обещали заключить с ним договор и предоставить все права, какие будут даны другим нациям, не исполнили бы этого.

Противники адмирала упрекали его. Долго колебался Евфимий Васильевич нынче летом, прежде чем снял крепость с Южного Сахалина. Его угнетало сознание, что он ведет не эскадру, а единственный корабль. И это во время войны!

«Американцы приходили в Японию на многих пароходах. Теперь англичане явятся в эти моря на винтовых судах. А мы? Что скажут про нас японцы... Но, может быть, как раз и хорошо, что мы совершенно не похожи на англичан и американцев? Машинами и артиллерией не хвастаемся и не угрожаем. Визит наш мирный! Может быть, и хорошо, что идем на парусном?» – вдруг пришло в голову адмиралу.

– Что? А? – вслух спросил он самого себя и своих невидимых критиков, вскакивая из-за стола. Осененный этой мыслью, он заходил по салону.

«Почем и как знать, что лучше и что хуже? Пусть будет контраст с сытой и богатой Америкой! Мы без пара и машин, но ведь на всякого мудреца довольно простоты».

Путятин встал посреди салона как вкопанный, и полные внутренней силы глаза его с мрачной решимостью смотрели куда-то вдаль сквозь ковры и переборки. Он уж и так многое сделал, не имея пароходов. В этот миг ему казалось, что судьба не оставит Россию. Еще не зная, что произойдет и как, он почувствовал, что должно что-то случиться, совершенно непредвиденное, и мы окажемся сильнее! Мистика? «Да, все сейчас так плохо, и так дурно выглядели мы, слабые и не подкрепленные ничем, кроме веры и преданности, что не могло чего-то не случиться, не предвиденного и не предугаданного никем – ни нами, ни американцами, ни нашими противниками в войне, ни владельцами их банков и пароходов, ни даже самими японцами. А что, если в самом деле удариться в мистику? Обратиться к духу Японии? К ее исконному и вечному духовному началу? Как мне и полагается! Не к сиогуну, если он станет упорствовать, а к императору?»

Руки адмирала задрожали при этой мысли, и он поспешно уселся на диван. Давно, давно уж в голову ему запало что-то подобное, но, кажется, до сегодняшнего дня он ходил вокруг и около.

Утром при подъеме флага адмирал опять с властным спокойствием и в упор смотрел своим мутным взглядом с высоты роста на вытянувшихся в струнку подчиненных. Он эту молодежь взял в вояж, все они закалились под его командованием, стали настоящими офицерами, повидали разные страны. А ведь были еще в пеленках, когда он задумал путешествие в Японию. Он своего добился, открыл для этой молодежи мир, вошел с ней в запертую Азию. И они же его считают реакционером и консерватором. Чем более дело удастся ему, тем, как кажется, и они сильнее недовольны им.

Он подготовил экспедицию не лучшим образом. По примеру времен своей молодости!.. Часто из-за таких раздумий он со странной неприязнью смотрел на подчиненных офицеров, понимая, что они не смеют его не осуждать.

Можайский как человек самый образованный, владеющий современными знаниями и применяющий их на практике, должен быть более всех недоволен. Гончаров не изобретатель, не знал толку ни в оружии, ни в машинах, но и он многое понимал. Новичок Можайский вправе настраивать своих товарищей против адмирала, хотя, кажется, пока не позволяет себе ничего подобного.

А Перри как будто бы не консерватор? Но консерватор богатый, со средствами! А мы бедные консерваторы. И даже японцы это заметят.

Путятин не против свободного мнения, как это кажется всем офицерам. Пусть думают что хотят. Но пусть слушаются. А Перри еще рано торжествовать! Цыплят по осени считают. Разве я не понимаю, что паровой флот удобней и подвижней, позволяет маневрировать! Но и с паровым можно ко дну пойти не хуже, чем с парусным, или обнаружить душевную низость.

Адмирал подбирал в свою экспедицию офицеров просвещенных и гуманных... Гончаров умел столкнуться с японцами. Японцы его любили и ему верили и первые оценили. Объяснили нам, что писатель может быть дипломатом. К сожалению, сам-то Иван Александрович не понял либо себя не оценил! А читатели его никогда этого и не узнают, каков талант дипломатический загублен из простой неприязни ко мне, к адмиралу! Все из-за интриги Унковского!

Адмирал ушел к себе в каюту. Он вызвал Посьета и Гошкевича. Когда они уселись в кресла, сказал:

– Господа, необходимо составить письмо на имя японского правительственного совета о том, что я прошу выслать японских уполномоченных для переговоров с нами в город Осака.

Осака находится вблизи Киото. А в Киото резиденция духовного императора.

Заговорил Гошкевич:

– Японцы могут счесть это для себя обидным... Неуважением к обычаям страны.

– Таков план, – сказал Путятин. О подробностях этого плана и о его значении он говорить пока не хотел.

Гошкевич и Посьет знали, что адмирал давно заговаривает о «духовном начале». Его стали осторожно уверять, что ничего не получится, что духовный император – это лишь что-то вроде пережитка далеких времен. Посьет живо сообразил, что может быть целью таких туманных намерений адмирала.

– Власть императора принадлежит не прошлому, а будущему, господа! – категорически заявил Путятин.

– Наши планы меняются? – спросил Гошкевич.

– Нет. Мы идем в Хакодате, и вся наша деятельность там будет направлена на то, чтобы избежать необходимости обращения к священной особе императора.

Путятин повторил, что необходимо составить письмо о высылке уполномоченных в Осака.

«Перри пришел в Эдо, а наш адмирал хочет в Киото», – уходя, подумал Гошкевич.

Путятин опять обнаруживал совершенное непонимание современной жизни и косный, крайний консерватизм.

«Да и тут выкажу себя реакционером и подам еще японцам повод для революции! – подумал Путятин, проводив своих секретарей и советников. – Такой революции еще нигде не бывало. Не во вред, а в пользу императора. Но это будет не Реставрация Бурбонов! А что, если вдруг... В самом деле?..»

В салон вошел капитан Лесовский.

– Слева по борту трехмачтовое судно идет из Сангарского пролива.

Тяжелое лицо адмирала переменилось не сразу. Выражение одухотворенности и воодушевления заменялось чем-то тяжелым, простым и твердым. Казалось, адмирал мысленно перевооружался, сменяя мирный свой вид на привычную, грузную властность.

На палубе слышались крики офицеров. По всему кораблю забежали, доносился тяжкий скрип дерева под давлением огромных чугунных орудий, которые готовились к бою.

Адмиралу не надо было одеваться или приводить себя в порядок. Он всегда наготове. Строй его мыслей переменился, и он вернулся в состояние боевой решимости, к которой привык, как к вечной броне.

Глава 4

Абордаж

– Зарядите оружие. Сделайте предупреждение. Может быть, джек под звездным флагом.
– Нет, американец, – уверенным и недовольным тоном человека, делающего тяжелую работу, отвечал лейтенант Алексей Сибирцев.

Адмирал колебался. Может быть, если это американец, то не надо с ним разговаривать. Из опыта известно, что как бы ни был американец хорош, а в решительный момент всегда выдаст все англичанам. Станет известно о нашем походе и в Японию, и пошлют флот ловить «Диану».

«Нет, не тут-то было!» – подумал адмирал.

Путятину советовали иметь на «Диане» американский флаг, чтобы легче было пройти при встрече с англичанами, а с американцами избегать встреч. Нет, это не его приемы! Он не сменит флага! Притворяться нечего. К тому же у американца есть новости. А охота – пуще неволи.

Капитан с руганью побежал куда-то. Когда он сдерживается, свирепое выражение не сходит с его лица.

Его взгляды: держать экипаж в страхе, не давать роздыха уму и рукам матросов, кормить как следует, чтобы были сыты; чтобы высыпались, по приказу веселились. Упражняться, если нет дела; чтобы одежда была сухая, сапоги целы, куртки просмолены. Запас воды и водки взят. Люди выбраны отличные.

Но все это не означает, что в глубине души Лесовский не судит о том, что вокруг него происходит. Адмирал и его подозревает. Конечно, капитан имеет обо всем свое мнение...

На палубу поднялся американец в красной шерстяной рубаше. Лесовский холодно с ним поздоровался и провел в свою каюту.

Через четверть часа адмирал пригласил обоих к себе в салон. Здесь же Константин Николаевич Посьет, Гошкевич, Пещуров и Можайский.

– Очень рад, – тряс руки долговязый Шарпер, и лицо его, желтое, как песок, морщилось. Чуть виднелись синие, как лед, глаза. – Английских судов в Сангарском проливе нет. Эскадра англичан, как утверждают, направляется из Гонконга в Нагасаки. Они хотят заключить договор с Японией по примеру коммодора Перри. О, Старый Бруин³ заключил выгодный договор!

– Он заключил?

– Да.

– А какие условия?

– Он заявил этим лгунам, что не потерпит неуважительного ответа на письмо президента! Вы это знаете? И двинется с десантом морской пехоты прямо в их столицу Эдо.

Шарпер так расхохотался, словно сидел с товарищами в таверне.

Выражение лица Путятинна смягчалось спокойной улыбкой опытного дипломата. Он соблюдал такт, оставаясь во власти интереса к тому, что рассказывал американец, а не обращая внимания на его развязность.

Лесовский, предварительно допросивший американца, сказал, что мистер Шарпер не раз бывал у наших берегов и хорошо знает адмирала Завойко и генерал-губернатора Муравьева.

Шарпер глубоко затянулся табачным дымом и стал рассказывать об условиях договора, заключенного с японцами.

– Я пришлю вам с боцманом гонконгские газеты.

³ Старый Медведь (прозвище Перри).

У них несколько газет выходят в Гонконге... Теперь предстоит ратификация договора. Но мы уже подходим к их берегам, и они не смеют тронуть нас, американцев. Времена меняются быстро. Да-да!

Шарпер сказал, что знает все новые порты в открытых русских бухтах.

– Я бывал в Петровском, в Де-Кастри... и повсюду...

Ваши южные поселения поставлены в отличных бухтах, но еще южнее есть удобные незакрытые заливы, которые не замерзают или замерзают ненадолго.

Путятин ничего не сказал про новые порты и не спросил ничего, чтобы не выдать секретов. Молчать он умел.

– Вы были в Гонконге? Да, я знаю, вы бывали там. Вы видели их город? Как там все быстро строится! Сносятся целые горы! Да, но место нездоровое! Никуда не годится. А ваши адмиралы развивают в новых бухтах энергичную деятельность. И я, адмирал, помогаю им. Я признаюсь вам. Вы знаете их, адмирал. Я исполняю их поручения, доставляю все, что им требуется. Да, из Америки... Еще они жили в фактории на Петровской косе, а я бил там китов, и они хотели меня расстрелять. Этот ваш молодой адмирал тогда еще был капитаном. И с тех пор мы подружились. Честным трудом и аккуратностью мы расположили друг друга. Я привозил им апельсины и муку, когда они чуть не погибали от голода. Этим летом я познакомился с господином генерал-губернатором. Вы можете верить мне, что ни единому англичанину я вас не выдам. Ни одному американцу я не скажу про вас ни слова, так как шкипера наши – хорошие ребята, но в жизни часто такие положения, что приходится становиться предателями... Мне сделаны большие заказы к весне будущего года, я все доставлю к этим берегам... А пока я иду за стаей китов. Я как игрок, но не так суеверен, чтобы бояться возвратиться. Да, киты проходят Сангарским проливом... А я жду, адмирал, я жду, когда вы построите в одной из удобных гаваней настоящий порт и большой город...

«И он о том же!» – с досадой подумал Путятин и невольно поморщился.

– В вашем новом городе, о котором вы все так мечтаете на этом океане, я построю магазин. Я составлю компанию с русскими капиталистами и построю док. Я могу произвести для вас все, что вам понадобится. Не только из выгоды для себя. Ведь я ваш первый и лучший верный помощник за все эти годы. У вас нет тут пока ничего, но все будет. У вас зато есть уголь, золото, лес. Можно открыть фабрику, найдем капитал!

Шарпер отложил трубку и потер руки от удовольствия.

– А крейсеров английских пока нет. Идите спокойно, но не в Нагасаки. Идите в Симода. Порт там открыт по договору с Перри. Вы, адмирал, любите нашего Перри? Я люблю Перри. В Японии столько гаваней, а они не разрешают пользоваться. Мы все их со временем откроем.

– Да, конечно, генерал глубоко уважает коммодора Перри, – сказал Посьет.

Адмирал прочитал гонконгские газеты, присланные шкипером в шлюпке на прощание.

В них подробный пересказ трактата, заключенного в городке Канагава коммодором Перри. А петербургские газеты обошлись краткими заметками. И то не все.

Английская эскадра пошла в Японию.

Адмирал вызвал Степана Степановича.

– У вас все готово?

– Так точно.

Путятин посмотрел на часы. Он приказал прислать казака Дьячкова.

– Что тебе говорили японцы про Америку?

Дьячков стал повторять свои рассказы.

– Америка приходила к ним на Матсмай...

В гонконгских газетах писали, что американцы заходили в порт Хакодате на острове Матсмай!

«Когда вы постройте здесь города?» – вспомнил Евфимий Васильевич вопрос шкипера. «Я входил во все гавани, и там всюду есть киты. Занимайте, адмирал... Мы должны с вами занять, пока не поздно!» Пока не поздно!

Адмирал опять посмотрел на часы.

Александр Федорович Можайский в это время ходил по палубе. Сегодня в свободное время он чертил гребной винт особого устройства. У него на душе боль от восторга, что винт в воздухе может со временем, если найти верную форму, оказать то же действие, что и винт в воде.

– В баню к ним пойдете, – советовал тем временем Посьет, толкуя с Алексеем Сибирцевым. – У них мужчины и женщины моются сообща, как во времена «Капитанской дочки». Вот где вы увидите все их прелести.

– А как в проливе, спокойно?

– Да, американец не лжет...

– Слава богу, значит, можно позаниматься, – сказал Можайский.

– И спокойно отдохнуть...

Раздался крик в рупор. Со свистком в руке пробежал боцман. Залились дудки унтер-офицеров.

– Тревога, господа!

– Вот вам и «спокойно отдохнуть»! – воскликнул Сибирцев и кинулся по трапу.

Раздался выстрел из пистолета. Свистки вызывали всех наверх. Матросы кинулись в жилую палубу, в каюты офицеров, во все уголки судна, в каюту адмирала, где между икон и шкафов с книгами стояли два тяжелых орудия. Всюду принайтовлены грозные чугунные пушки. Жерла их поползли из портов.

В море выброшена цепь на буйке. Через некоторое время судно легло в дрейф. Забегали подноски карты с зарядами.

Сто пятьдесят матросов с офицерами построились шеренгами на верхней палубе, готовясь к посадке в шлюпки. Заскрипели блоки и заскользили тали, опуская под борт тяжелые гребные суда.

Адмирал следил по часам. Он замечал, как падают ядра. Он видел сапоги матроса, бегущего черпать воду брезентовым ведром. Мелькали озабоченные и послушные лица офицеров.

Под парусами и на веслах шлюпки с разгона подходили к борту «Дианы».

Маслов на всем ходу забросил на борт крюк и мгновенно забрался по тросу на палубу. Другой крюк закинул Елкин и, как ловкий цирковой артист, перепрыгнул через борт и выхватил пистолет. Офицеры и матросы стали прыгать с гребных судов на корабль. Их товарищи встречали «нападающих». В воздухе засверкали абордажные пики, топоры, кинжалы. Слышалась стрельба из пистолетов.

Вечером после вахты и чая с хлебом Можайский ушел в каюту, скинул мундир и уселся за стол. Тучное артиллерийское орудие на тяжелом станке занимало больше половины его помещения. Александр Федорович достал карандаш, чертеж и линейку. Тускло светит свеча в фонаре.

Настанет ли когда-нибудь время, что корабль осветится электрическим машинным светом?

Можайский чертит часть гребного винта для работы в воздухе, уверенный, что догадка его в основе верна.

В походе адмирал попросил его изготовить модель маленького парового судна с гребным винтом для подарка японцам. Алексей Николаевич Сибирцев при этом усердно ему помогал. Теперь маленький пароход готов. В топку наливается спирт. В котле закипает вода, работают шатуны и кривошипы, вращают вал, и бурная волна валит от винта, толкающего пароходик. На парусном корабле всем нравилась эта игрушка.

В детстве Александр так не увлекался машинами. Как-то вдруг нашел на него интерес к механике и открытиям ее законов. Его разбредили виды необычайных просторов, величия новых земель. Можно ли здесь сидеть сложа руки? Сколько тут воздуха, сколько воды! Сюда перелетать надо, а не переезжать в тарансах и не ходить вокруг света из Кронштадта. Увлеченный своими замыслами, он почти не обращал внимания на странности и капризы адмирала, раздражавшие его товарищей. Он прощал адмиралу его парусный корабль, как прощал, что Путятин видит в нем лишь ловкого рисовальщика и ретивого лейтенанта.

Ночью изрядно качнуло. Стучали и звенели бутылки, двигались ящики с пластинками для дагерротипа, банки с растворами, лампа для подогрева ртути. Александр Федорович вскочил и, засветив ночник, стал все закреплять. Свалился ящик с красками. Расставив вещи «в штормовом порядке», допил бутылку кваса, кинул ее в корзину и завалился, закутавшись в одеяло и шинель. Осень давала себя знать и здесь.

На рассвете море было в барашках. Сквозь серое небо видны голубые просветы. Вода в такой день кажется тяжелой, словно волнуется расплавленный свинец.

Алексей Сибирцев вдруг схватил Можайского за руку.

– Смотрите!

Александр Федорович неожиданно увидел горы среди облаков. «Япония!» – подумал он. Почувствовалось что-то волнующее, чего ожидал так долго, что обещает какие-то неведомые, таинственные ощущения.

Алексей Сибирцев смотрел на синие пики среди облаков, и ему тоже казалось, что здесь его ждет что-то особенное. Алексей знал за собой грех, что он подвержен припадкам экзальтации.

По другому борту тоже видны лесистые скаты гор. «Диана» шла ко входу в пролив между двух величайших островов. Слева Матсмай, на нем порт Хакодате, куда идем. Справа Ниппон, где обе столицы, главный остров страны, ее основа – материк.

Теперь уж что бы ни было, а придется, как надеялись молодые офицеры, ступить на запретный берег.

У Можайского мелькнуло в голове, что не переимчивым ли японцам везет он чертежи винта? Как знать? Адмирал говорит, что они народ редких способностей.

Евфимий Васильевич на юте. Из-под красного околыша торчат его нестриженные волосы. Щеки и крупный нос картофелиной красны от свежего ветра. Голова высоко поднята на поху-девшей шее. Узкое и хмурое лицо, словно адмирал озабочен и с утра устал.

В трех кабельтовых от «Дианы» шел большой японский корабль с высокой кормой и выгнутым от ветра четырехугольным парусом, на котором нарисован красный шар.

Офицеры столпились на юте, а матросы – на баке и у бортов, разглядывая японцев в халатах и шляпах. Японское судно быстро отходило.

– Что это за красный шар на парусе?

– Это восходящее солнце, – объяснял Гошкевич. – Видимо, военное судно.

Глава 5

Прием в Хакодате

Ночь и день и еще ночь шли проливом, на берегах которого виднелись огоньки. Несмотря на многолюдство Японии, селения в проливе были редки.

На заре адмирал приказал лавировать к Столовой горе, чтобы левее ее обрыва войти в бухту, на берегу которой должен находиться город. Карты этих мест достаточно изучены. Края здесь знакомы по съемкам Головнина и других моряков.

Чем ближе подходила «Диана» к плоской сопке, тем выше росла перед ней каменная стена. Гора плыла навстречу, отделяясь от острова. Холодно. Вдали на гребнях гор виден снег. Желтизна на склонах. Кое-где белеют березки.

– Очень похоже на Гибралтар! – показывая на Столовую гору, говорит Константин Николаевич Посьет. – Почти точная копия!

Обрыв так крут, что кажется, Япония выдвигает навстречу иностранному судну громадный щит. Дух крепости и силы выражен тут самой природой.

Дует жесткий холодный ветер. Это какая-то необычная холодная Япония, напоминающая северные суровые края.

Алексей Николаевич, как и все офицеры «Дианы», здесь же проходил из Южной Америки. Но теперь все не так. Хотя и тогда погода стояла почти такая же и скучен был летний, но безмянный пейзаж. После Южной Америки эти свирепые сопки не привлекали почти никакого внимания.

Теперь весь пролив между островами прошли, и вот уж снова виден Тихий океан между широко разошедшимися крайними мысами островов Ниппон и Матсмай.

– Ну как, мы в Японии, Александр Федорович?

– Да, в Японии, Алексей Николаевич! Да что пока толку, глядишь на нее, как из клетки.

– В порту можно простоять у них год и тоже ничего не увидеть!

Пробило шесть склянок, когда, пройдя по утренней голубизне, «Диана» обошла гору и бросила якорь напротив города, укрывшегося, как за щитом.

С этой стороны Столовая гора выглядела мирно, пологий склон ее разлинован распахан-ными полями, кое-где в зелени рощ видны храмы с черепичными крышами и гибкими и высокими деревянными воротами, напоминающими триумфальные арки.

«Холод, ветер и неизбежный холодный прием! Вот тебе и Япония для русских!» – печально думал Сибирцев.

На опущенный трап ступили первые японцы, которых в своей жизни впервые видел вблизи Алексей Николаевич.

У всех бритые головы с шариками волос на макушке. И от шарика еще прядка, зачесанная вперед. «Экое искусство парикмахерское».

– Здравствуйте, господин Посьет...

– А-а! Кичибе! Здравствуйте... Здравствуйте, – слышались голоса офицеров.

Палладские офицеры обрадовались, видя знакомого японского переводчика.

Кичибе тоже с выбритой головой и с шариком волос. Он все время держится в любезном полупоклоне, словно его свело в пояснице.

– Очень приятно, господин Посьет! Вы прибыли с адмиралом? – спрашивает он по-голландски.

– Да-а... Переведите своим начальникам, Кичибе, что прибыло русское посольство во главе с адмиралом Путятиным.

Кичибе поклонился еще ниже.

– А знаете, это со мной совсем... ну... мелкие чиновники... Им нечего все это переводить...

– Ого! Кичибе как заважничал! – воскликнул Посьет по-русски. – Говорит, что можно мелким чиновникам всего не переводить.

– Сейчас прибудет более высокопоставленный чиновник для переговоров, господин Посьет. Он является представителем губернатора.

Подошла большая лодка с надстройкой на корме, с флагами и значками на флагштоках.

– Прибыл господин Хирояма Кендзиро, качи мецке⁴, – представил прибывшего чиновника Кичибе.

– Пожалуйста, прошу господина Хирояма Кендзиро сделать честь и пройти в мою каюту. Пригласите с собой господ.

В каюте Кичибе назвал имена и должности всех прибывших чиновников.

После любезностей Посьет сказал, что корабль прибыл в Хакодате с важным поручением. Необходимо передать письмо от посла Путятинна для отсылки японскому правительству.

Хирояма Кендзиро ответил, что письмо для правительства могут принять высшие чиновники управления города Хакодате, которых назначит для этого губернатор.

– Письмо должно быть передано адмиралом в руки самого губернатора, – ответил Посьет. – Для этого мы приглашаем господина губернатора на «Диану», чтобы его превосходительство был нашим гостем и получил письмо.

Хирояма ответил, что Хакодате-бугё⁵ равен по должности Нагасаки-бугё, а сам бугё еще никогда и нигде не поднимался на иностранный корабль.

Посьет ответил, что полномочный посол Путятин, адмирал и генерал-адъютант императора, гораздо выше по чину и по должности, чем провинциальный губернатор.

– В самом деле! – воскликнул он. – Представитель японского правительства их высокопревосходство Тсутсуй Хизен но ками, а также его превосходительство Кавадзи Саэмон но джо, которые вели переговоры в Нагасаки, гораздо выше по должности, чем Нагасаки-бугё, но даже и они поднимались на борт нашего корабля. Поэтому Хакодате-бугё вполне может сделать нам честь и приехать на судно к послу Путятину.

– Что касается дров, рыбы и овощей, то, конечно, все будет предоставлено незамедлительно, – сказал Хирояма и добавил: – Как и прежде.

– Что значит, как и прежде?

– Все это будет доставлено от управления бугё.

– Нет, теперь мы должны платить за все и не можем принять такого подарка.

– Мне по возвращении в Россию надо будет предъявлять квитанции, – заметил Лесовский. – Что же, хотите меня под суд подвести?

– Чтобы получить с вас деньги, об этом не может быть и разговора. На это у нас еще нет разрешения. Это уж будет фактическое открытие торговли. И у нас еще нет квитанций.

Тем временем к борту «Дианы» подошло рыбацкое судно, и матросы вместе с японцами подымали на палубу двух тучных тунцов. На таях подняв огромную рыбину, матросы и рыбаки общими усилиями свалили ее подле люка.

– Вот это туша! – сказал матрос Сизов.

От восторга он хлопнул по спине японца – старшего лодочника. Потом достал кисет, и они закурили. Матросы обступили японцев и стали доставать вещи, приготовленные на промен.

– Мы ждали все лето на Сахалине его превосходительство посла Путятинна, – говорил Кичибе, сидя в каюте капитана.

⁴ Полицейский в офицерском чине.

⁵ В этом случае бугё – губернатор,

– Вы были на Карафуте?

– Да, я был на Сахалине. На двух кораблях! – с важностью заметил Кичибе.

– Ах, это были вы? Я так и подумал. Когда мне рассказали, я так и решил, что это вы. И были еще чиновники?

– Да... Мецке из Эдо. Посол Путятин не прибыл, и мы очень сожалели. Было бы очень хорошо там обо всем договориться, как мы условились в Нагасаки.

– Кичибе, пожалуйста с господами чиновниками к адмиралу, – входя, сказал Лесовский. – Его превосходительство приглашает вас к себе.

– А был тут Перри?

– Знаете, это очень хороший человек, но нам помешали ошибочные впечатления... Он приходил сюда также за камнями. Да, он брал у нас камни... Нам ведь приходится изучать западные отношения и учиться.

– Какие камни?

– Такие огромные камни, с японский дом, для памятника борцу за свободу... Это... Вашингтону!

– Война с Англией и Францией, – сказал Путятин японским чиновникам, – заставила нас собрать все наши силы для нанесения удара противнику. После войны мы восстановим свои селения и крепость на Сахалине.

Путятин просил передать губернатору, что прибыл по важному делу, по которому ему необходимо свидеться с бугё. Он добавил, что ему известно о заключении договора с Америкой и об открытии в скором времени японских портов и что, по договоренности, Россия также должна получить все права.

– Я все изложу при встрече с губернатором. Я также заявлю ему о цели моего прибытия.

– Но, ваше превосходительство, кажется, это невозможно, – почтительно ответил Хирояма. – Еще нет разрешения идти вам здесь на берег.

– Здорово, Кирилл, – сказал Дьячков, когда чиновники, закончив беседу с послом, поднялись на палубу.

Кичибе быстро взглянул на казака, но не стал здороваться и прошел мимо.

– А-а! Дьячков, – вдруг, как бы спохватившись, сказал Кичибе по-русски и обернулся: – Здравствуй!

– Почему же Перри произвел неприятное впечатление? – спросил Посьет, беря Кичибе под руку.

– Нет, это я только пошутил. Он произвел очень приятное впечатление. Только знаете... Его превосходительство немножко воровал.

– Ка-ак?

– Да, японские красивые вещи. А вы знаете американского переводчика мистера Вильямса?⁶ Он священник и умный человек. И еще с ними был очень красивый китаец.

– Они ничего не разрешают и ни на что не отвечают толком, – говорил Посьет, стоя рядом с капитаном и глядя, как отходит украшенная флагами лодка с чиновниками.

– Надо будет поблагодарить Кичибе за доставленные сведения о том, что Перри был здесь и ходил по магазинам, – сказал Лесовский.

На другой день стало еще холоднее. Кичибе с чиновниками снова приехал на «Диану».

– Какая сегодня злая погода, – заметил переводчику капитан.

– Да, это очень привычно! Такая холодная погода даже приятна! – отвечал Кичибе, обмахиваясь веером, как в жару.

⁶ Миссионер Вельш Вильямс, знавший китайский язык и служивший у Перри переводчиком, впоследствии опубликовал «Journal of Perry Expedition to Japan 1853—54». В этих очерках экспедиции описывается случай, когда коммодор Перри ходил по магазинам и, не платя денег, забирал себе разные товары у японских торговцев, видимо, полагая, что заплатить за него как за гостя должно японское правительство.

А еще через несколько дней на пристани выстраивались длинные ряды солдат в черных коротких халатах с белыми вышитыми знаками на груди. Гербы и знаки на черном шелку, лакированные шляпы и латы, блестящие рукоятки сабель в лакированных ножнах, копья с цветными значками – все выглядело богато и парадно, войско губернатора представало перед иностранцами одетым с иголочки. Вооруженные самураи, каждый о двух саблях, держали под уздцы маленьких лошадей с седлами из драгоценного лака.

Вверх от берега идет ровная широкая улица. На ней не видно ни магазинов, ни богатых домов, ни лачуг. Обе стороны затянуты полосатыми материями, полосами вдоль, на всю длину квартала. Гошкевич объяснил офицерам, что это знак вежливости: весь город как бы при параде и что в таких случаях японцы стараются скрыть неприятную для посторонних глаз бытовую сторону жизни.

– Словом, как в чистой горнице! – сказал Сибирцев.

Матрос Маслов несет знамя адмирала. За ним шагают юнкера. Маршируют усатые гиганты с ружьями на плечах, сверкают медные трубы оркестра. Впереди почетный караул японских рыцарей в лакированных конических шляпах. Другой отряд воинов, завершая шествие, марширует сзади. Японцы держат ногу в такт музыке. Вид такой, что они ведут русских под конвоем. Они идут, торжественно и как бы победно подымая свои значки и знамена. Заметно, что они готовились, может быть, копируют американцев, которые маршировали у них здесь по улицам.

Шествие остановилось около здания с низкими деревянными стенами и с высокими крышами из черепицы. Ворота и забор тоже под черепицей, она искусно уложена и походит на трубы из толстого бамбука. Это, видимо, и есть Управление Западных Приемов, построенное в Хакодате с тех пор, как по договору с американцами порт готовили к открытию международной торговли.

В первой комнате у стен сидели ряды чиновников. В следующей комнате адмирала и офицеров встретил почтенный седой господин, которого поначалу русские приняли за губернатора. Кичибе сразу же почтительно повалился ниц и стал ползать между адмиралом и старшим чиновником, переводя их разговор. Словом, тут все было, как прежде в Нагасаки, словно в государстве не произошло никаких перемен. Самоуверенности Кичибе как не бывало.

Когда все сели, то было объявлено, что губернатор Хакодате отсутствует по причине болезни и очень сожалеет об этом.

Почтенный чиновник сказал, что японское правительство очень огорчено, что переговоры в Анива не состоялись.

Посьет ответил, что адмирал не хотел подвергать опасности японских уполномоченных и встречаться в том месте, на которое, как на Русскую землю, могли напасть корабли англичан и французов. Тогда началась бы сильная стрельба и летели бы ядра и бомбы.

Все японцы поклонились и, казалось, были очень тронуты этим заявлением.

– Мы прибыли сюда, – сказал Путятин, – чтобы завершить переговоры, начатые в Нагасаки, в полном согласии между представителями Японии и России, и заключить договор о дружбе, границах и торговле.

– Адмирал пришел сюда, чтобы встретиться снова с уполномоченными японского правительства, и просит об этом, – переводя, добавил Посьет.

– Нам надо как можно скорее решить, как лучше поступить в таком случае, – отвечал почтенный чиновник. – Поэтому мы должны обдумать и обсудить все, что вы сейчас нам изложили. И тогда мы будем знать, как нам ответить.

– Все наши предложения изложены в письме на имя высшего японского правительства. Я должен передать его в руки губернатора.

Посьет добавил, что адмирал является чрезвычайным представителем и у него есть полномочия от русского императора решать все дела самому.

Чиновник ответил, что он доложит обо всем губернатору.

– А пока, закончив деловые разговоры, нам надо немного отдохнуть.

Он предложил перейти в другую комнату, где гостей ждет «освежение».

Вечером адмирал молился. Лампада горела в углу у образов. Евфимий Васильевич уверял себя, что надо смириться и достойной твердостью доказать свою правоту. Придется, может быть, уступить и передать японцам письмо так, как они этого хотят. Суть дела не в передаче, а в самом письме. А то, судя по сегодняшней встрече, они будут бесконечно затягивать решения самых простых дел.

Прием был холодноватый, оставил неприятное впечатление, взвинтил всем нервы. Путятин понимал, что не может требовать от японцев, чтобы они сразу переменили обычаи и взгляды. Но едва вспоминал он сегодняшнюю прогулку после обеда по городу, как ярость разбирала его. Он увидел вдруг у себя под носом ворота, которые перегородили всю улицу. На воротах были скобы, на них висел огромный замок, а по обеим сторонам стояло двое полицейских. Сначала адмирал не обратил внимания, подумал, что просто зашел в тупик, что чья-то усадьба так построена и улица упирается в ворота. Но потом, остановившись, сообразил, что ворота построены нарочно, чтобы не пропускать его со свитой дальше. А как донес переводчик, американцы тут всюду ходили, даже за город. Путятин редко так сердился, как сегодня. Он потребовал сбить замок и открыть ворота. Японские полицейские, не сходя с места, сделали полный оборот и уткнулись носами в полосатые материи.

«Ну что же, пусть они винят самих себя! Я вручу губернатору приготовленное письмо! И второе письмо самому губернатору, что мы идем в Осака и будем ждать их представителей там. Да будет воля Его! Пусть хватаются тогда за голову. А я-то еще думал, что дела пойдут теперь на лад и что они помнят свои обещания! Неужели их американцы так напугали и восстановили против всех “западных людей” своими действиями?»

Пока все неясно. Путятин шел сюда, как к старым друзьям, а почувствовалась какая-то перемена в политике, уклончивость. Как сегодняшние ворота среди улицы, на пути переговоров стояло какое-то препятствие. Кичибе намекает, что надо будет подождать. «Но я буду действовать без оглядки. Я пробужу их высшую силу. Может, тогда они поймут».

– А вы знаете, что англичане скоро придут в Хакодате? – спросил Посьета один из чиновников, явившихся на «Диану» на другой день.

– Этого не может быть, – ответил Посьет. – Если они придут, то в бухте Хакодате произойдет сражение, какого вы еще не видели.

– И тогда побежденная страна не простит этого японцам, – добавил Лесовский. – И будет потом предъявлять претензии, как это делают англичане в Китае. Кроме того, ядра и бомбы полетят в город, а это может навлечь большие неприятности на губернатора и чиновников.

– Скажите, а что в письме, которое вы передаете в Государственный совет?

Посьет ответил, что на такие вопросы может ответить только адмирал лично губернатору Хакодате.

Барон Николай Шиллинг, воспользовавшись моментом, остался в лаборатории Можайского наедине с переводчиком Кичибе. Он с любезным поклоном сказал, что благодарит Кичибе, и передал ему в подарок часы с драгоценными камнями и голландскую эмалевую миниатюру.

Кичибе, кивая головой, быстро сунул подарки в широкие раструбы своих рукавов.

– О да-да... Благодарю вас, – на чистом английском языке сказал он.

– Я полагаю, вам приятно, Кичибе, что страна оживает, открываются порты, будет приходить много иностранных кораблей. Положение переводчика в обществе изменится. Вы станете богатыми и уважаемыми людьми. Придется открывать новые школы переводчиков. А там начнутся поездки за границу. С вашими блестящими способностями вы далеко пойдете.

У Кичибе голова задрожала от волнения: «Но я не так глуп, чтобы его не понять». Кичибе также отлично понимал, что все эти соблазны походят на чистую правду.

– Вы – патриот, лейтенант. Но и я патриот... И я желаю вам... успехов... чтобы могли учить нашу страну и чтобы вы научили нас плавать с флотом в другие страны, и как патриот я желаю вам успеха.

– Кичибе, а не могли бы вы достать копию американского договора?

– Это, наверно, невозможно... Конечно, невозможно. Это, наверно, очень трудно...

– Город Хакодате открывается для торговли с иностранцами. Копия договора, как мне кажется, должна обязательно быть тут.

– Нет, ее здесь не хранят. Мне кажется, что вам легче всего будет достать все, что вам необходимо, в городе Симода.

– В городе Симода? – изумился Шиллинг.

– Да, мне кажется, там у вас найдутся знакомые с копией...

А еще через день снова гремел оркестр и по улицам маршировали матросы. Дома опять затянуты полосатыми материями, а колонны японских солдат с саблями и в лакированных шляпах открывали и замыкали шествие.

Обрюзгший и надменный старик-губернатор принял Посьета в той же полутемной зале Управления Западных Приемов. Присутствовало множество чиновников в пышных и разнообразных одеждах.

Посьет передал письмо адмирала в пакете с гербами, уложенное в полированный ящик.

– Письмо будет немедленно отправлено в Эдо, – сказал князь Орибэ но ками.

Но сам он знал, что не смеет без разрешения правительства отправить письмо. Это было бы несогласно со всеми правилами. Князь Орибэ сторонник старых порядков. Поэтому его как консерватора и назначили в Хакодате начальником Управления Западных Приемов и поручили ему сношение с иностранцами.

Путятин отказался прислать вместе с письмом голландский или китайский переводы. Он знал, что теперь обо всем этом князь Орибэ напишет в Эдо и будет ждать ответа. Согласно порядкам доброго старого времени! Нельзя делать никаких послаблений западным варварам!

– А куда же теперь пойдет ваше судно? – спросил вице-губернатор, угощавший Посьета обедом.

– Мы идем в Осака, – ответил Посьет. – Адмирал просит в своем письме выслать туда для переговоров уполномоченных.

– В Осака... это... о! – Кичибе опешил.

Вице-губернатор, услышав перевод, не мог скрыть испуга.

– Почему вы хотите идти в Осака? Вам могут там встретиться затруднения.

– Потрясение для них! – рассказывал Посьет адмиралу, возвратившись на судно.

– Иного выхода нет, – ответил Евфимий Васильевич. – Ну да письмо все равно пошлют, раз взяли.

Ночью к «Диане» подошла лодка. Какой-то японец, подпрыгнув, ухватился за якорный канат и оттолкнул свою лодку ногами. Он взобрался на палубу. Вахтенный офицер разбудил Лесовского.

– Держите до утра, – велел капитан.

Адмирал приказал утром:

– Не отправлять беглеца на берег!

– Дьячков с ним пытается толковать, – доложил капитан.

Адмирал приказал поговорить с японцем Гошкевичу.

К обеду на судно явились чиновники с переводчиком.

– А где это порт Симода? – спрашивал у Кичибе барон Шиллинг.

– Да это маленький городишко в бухте, на оконечности полуострова Идзу, – тихо говорил Кичибе.

– А вы уверены, что в Симода есть переводчики?

– Да, во всех портах, куда явятся иностранцы, назначены переводчики.

– Так вы думаете...

– Да, я думаю... Скажите, почему вы идете в Осака?

Кичибе отлично понимал, почему Путятин решил идти в Осака. Каково! Вообще в жизни начинались такие перемены, что дух захватывало.

«Опухают суставы, – думал Путятин, свирепым адмиральским взглядом рассматривая свои босые белые ноги. – И больно. Ступить нельзя. Перри, говорят, тоже еле ходил, так ноги болели».

Адмирал с трудом нагнулся и потрогал босую ступню. «Мягка стала».

Он знал, что гонец за гонцом помчатся из Хакодате в Эдо и обратно, а потом в Осака. «Трудно с японцами! Так они следят и за нами и друг за другом. А все же многое стало известно здесь Гошкевичу и Посьету».

Гошкевич рассказывал адмиралу, что в Симода к американцам ночью являлись на судно два японца. Они заявили, что просят их скрыть и что они хотят бежать из Японии в Америку, чтобы учиться там западным наукам. Но Перри велел ссадить на берег, и теперь японцы их скоро казнят. Видимо, Перри поступил так, опасаясь за успех будущей торговли. Он объяснял потом, что, обязавшись по договору уважать законы Японии, он не мог сразу же и по пустяку отступить... Из-за каких-то двух проходимцев нельзя подвергать опасности доходы коммерсантов. Японцы могли порвать с ним всякие отношения, обвинив в нарушении договора.

«Но, во-первых, я не Перри и договора еще не заключал. Японцы знают меня прекрасно и ссориться со мной не станут, да им и не это надо. Пока нам не до коммерческих интересов. И еще долго таковых не будет!

Во-вторых, мы соседи и чего не бывает у соседей!

А в-третьих, нашего японца я им не отдам. Он заявил, что тоже хочет ехать учиться. А в этом ничего плохого нет!

И ни в какую Симода “Диана” не пойдет. В Осака!»

Глава 6

В кают-компании

– «Как любил я тебя», – беря аккорд на гитаре и откидываясь, запел Алексей Сибирцев.
– «Как мечтал о тебе...» – срывая вторую гитару с книжного шкафа, подхватил Елкин.
– «Как в тоске погибал...»
– «Наяву и во сне...» – играя в две гитары, заливались молодые люди.
– Чей это романс? Верстовского? – спросил Колокольников, отрываясь от иллюстрированного журнала с видами Парижа.
– Да нет, это Елкинского! – небрежно отвечал Алексей Николаевич.
– «Ах, тоска неизбывная...» – сплошным стоном разражался Елкин. Он брал печальный аккорд.

Сибирцев медленно и горько, как в трактире, запевал цыганскую плясовую, клоня свою светлую голову с большим лбом к струнам и покачивая ею:

Эх, очи черны, щечки алы,
Ах, безумный ро-ок любви...

– Капитан идет, господа!
– Пусть идет...
– «Спляшем, душенька, зазно-оба...» – продолжал Алексей Николаевич.
Огромный Можайский избоченился и мелкими шажками поплыл по кругу.
Елкин и Сибирцев, как сыгравшийся оркестр с хором.

Эх, очи черны, щечки алы,
Эх, ты, безу-ум-ны-ый ро-ок... —

запели они в два голоса, и кажется, что зашевелились и повеселели видные по правому борту мрачные горы главного японского острова Ниппон.

Елкин подкинул гитару, схватил ее на лету, перевернул, щелкнул ногтями в такт плясовой по дереву и швырнул Можайскому. Тот поймал на ходу, казалось, за струны, а не за гриф, подхватив аккорд. Елкин развел руками и пошел мелко и скользко, на носках. Александр Федорович заиграл на басах, поддерживая теноровую тоску Сибирцева.

– «Ах ты, сукин сын, камаринский мужик», – переменял плясовую Александр Федорович.

– Как вы еще не устали, господа? – знакомым и пугающе густым басом спросил кто-то. В дверях стоял адмирал. Как и когда его принесло, никто не видел.

– Ужасно устал... – Можайский положил гитару, одернул мундир и вытянулся в струнку.

– Евфимий Васильевич, мы подготавливаемся с Александром Федорычем, хотим показать японцам плясовую цивилизацию, – заметил Елкин.

Адмирал знает, что поручик вернулся с тяжелой описи. «Диана» шла в двух милях от мрачной стены берега, где волны подымали на чернь скал облака пены. Иногда с промером приходилось посылать вперед шлюпку.

Адмирал присел во главе стола. Он вынул записную книжку и задумался, раскрыв ее. Зачем его занесло в кают-компанию и какие он решал сейчас великие проблемы – неизвестно.

Офицеры, попросив разрешения, уселись и тихо заиграли на гитарах.

Пришел Степан Степанович и стал рыться в книжном шкафу. Пещуров, сидевший на диване, когда его товарищи танцевали, пересел на круглый стул у рояля.

– «Рояль закрыт...» – тихо пропел Можайский.

Капитан красной рукой с короткими пальцами под носом у Пещурова открыл красную лакированную крышку.

Пещуров пробежал пальцами по клавишам, убрал руки на колени и, подняв темно-русую голову, глядел туда, где газ горел в плафонах. Потом он взял слабый аккорд, и сразу бурные звуки подхватили его и зарокотали, как морские волны.

Капитан полагал, что никто не понимает поэзии судна. Он чувствовал сейчас себя одиноким. Ради поэзии судна приходилось требовать с людей. Как добиться от них вдохновения и трепета? Идеальной чистоты боевого корабля? Корабль становится идеалом без материальных изъянов, от которых так страдает человечество. Являются личности, которые не замечают пятна на палубе. Они занимаются механикой. Современные моряки становятся инженерами, занимаются вычислениями по законам физики и вычислением собственных выгод. Они готовы превратить корабль в контору и фабрику, в потогонную для выкачки процентов для банкиров, а от моряка требуется вечная готовность к героизму и смерти и бесстрашие. Как совместить в этом мире такие несовместимые понятия? Палуба – святыня: «Твоя кровь прольется тут! Она как чистая рубаха перед боем!»

Адмирал ушел вместе с капитаном. Пещуров заиграл романс. Алексей Николаевич пел. Ему хотелось бы скинуть мундир и разгуляться в одной белой рубашке, поплясать.

– Адмирал наш озабочен, господа, – сказал Пещуров, закрывая крышку рояля.

– Зачем идем в Осака? Как вы думаете?

– Это искусная политика адмирала, – сказал Можайский.

– Погодите, он завтра вам покажет, какой он миролюбивый. Закатит обедню.

– А какой завтра праздник?

– Вы полагаете, что искусная политика?

– Очень. И деликатная.

– Вы уверены?

– Вполне.

Утро в океане в виду японских берегов. Солнце стало потеплей, оно чуть просвечивает сквозь облака. Волны отбегают от борта, гребни их дымятся, едва выбегут, из волны, словно кто-то поджигает их спичкой. Дым быстро пробежит по всей волне, и гребень ее угасает после этого, как сгорит.

Палуба замокает черными пятнами от медленно сеющей водяной пыли. На губах солоно. Ветер веет соленой пылью и кропит судно.

Сибирцев столкнулся на трапе лицом к лицу со штурманом. Елкин со свернутыми листами александрийской бумаги.

– Куда вы?

– К адмиралу...

– Я не понимаю, что тут искусного? В чем значение нашего похода? В чем тут искусный дипломатический ход, о котором все вы говорите?

Можайский, не глядя ни на кого из офицеров, упрямо кивал головой и что-то бурчал, в то время как Осип Антонович Гошкевич, к которому был обращен раздражительный вопрос Сибирцева, кажется, старался воздержаться от объяснений.

Сибирцев знал грех за собой. Некоторые явления он совершенно не понимал, как бы ему ни втолковывали.

Что за два государя, одновременно царствующие в Японии и совершенно друг на друга непохожие? Это он в толк не брал, как бы ни объясняли. Впрочем, в офицерстве принято объяснять походя, кое-как. Словно все, что происходит в мире, не так уж важно по сравнению с

главным, изученным навсегда и твердо. Главное – долг, служба, понятия чести. А также вооружение, навигация. Наступало время машин, пара, электричества, железных дорог. Можайский, например, если начинал объяснять, то очень обстоятельно и систематично излагал суть предмета. В век пара старые небрежности рыцарей чести сменяются. Все, что касалось машин, Алексей Николаевич усваивал легко. Но разобраться в японской государственной машине куда трудней. «Надо и мне знать, в конце концов, кто сиюгун, а кто император, какая между ними разница и каковы отношения их между собой, к князьям, к религиям, народу, войску. Неужели я так туп и непривычен усваивать новое и вообще все, кроме того, что вдолблено с детства?»

После урока японского языка, который Гошкевич давал Карандашову и Сибирцеву, послушать Осипа Антоновича собрались офицеры. Япония все время двигалась за бортом перед глазами. Достоверных понятий о ней ни у кого не было. Дипломатический секретарь адмирала сегодня свободен и находится в полном распоряжении кают-компаний, и на него посыпались упреки и вопросы.

– Что это за экспедиция, господа, если не знаем, куда и зачем стремимся! Япония не Африка, как видно по всему, народ с более высокой цивилизацией, чем...

– Господа, чтобы это объяснить, – заговорил Гошкевич, – нужна карта Японии.

– Попросите карту Японии у Константина Николаевича, – посоветовал Можайский.

– У него не та карта, какая нам нужна.

– Как же можно без достоверной карты идти? – спросил Алексей Николаевич.

Раздался общий неодобрительный смешок. Сибирцев возвышался во мнении товарищей.

В длительном плавании офицеры неизбежно начинают испытывать раздражение друг против друга, иногда, как свидетельствует европейская литература, ненавидят ближних. Лейтенант Сибирцев тоже начинал испытывать раздражение. Но как человек, воспитавший в себе привычку не касаться ничьей личной жизни, направил все свое раздражение против политики посольства, которому служил, забывая свои добрые намерения. Хорошо матросам! Степан Степанович их бьет, они его ненавидят единодушно и от этого испытывают чувство единения. Офицеров не бьют, но нас оскорбляют ошибки и неверные понятия!

Адмирал сидел, как обычно, подле пушки за письменным столом, когда Осип Антонович попросил позволения войти.

– Офицеры высказывают желание ознакомиться с картой Японии и ее государственным устройством. – Он сказал о претензиях и упреках, которые пришлось услышать в кают-компаниях, и попросил распоряжения Константину Николаевичу выдать карту.

Путятин пошлепывал штиблетом по тигровой шкуре под столом.

– Что толку от карты Константин Николаича!

Он приказал пригласить Пещурова.

Путятин взял ключ и открыл большой железный ящик, в котором хранились казна и наиважнейшие документы. Достал пакет, вынул из него и развернул на столе карту Японии.

– Покажите эту самую достоверную карту Японского государства господам офицерам, чтобы они имели представление. Запрещено и секретно, и никто не допущен... но, господа, это не означает, что высшие лица ничего не знают и действуют наобум! Мы цивилизованное государство, и господам офицерам предоставляется случай убедиться. Заберите ее и ступайте с Осип Антоновичем, – обратился Евфимий Васильевич к своему адъютанту.

В кают-компаниях все затаили дыхание, когда на большой учебной доске, на петлях, была подвешена наклеенная на холсте новенькая карта Японского государства со всеми княжествами, городами и дорогами и массой надписей на голландском языке.

Елкин втайне испытывал чувство, подобное обиде ревнивца. На этой драгоценной, так скрываемой карте, которую и показывают-то офицерам лишь в присутствии личного адъютанта адмирала, как бы подчеркивая всю ее секретность и всю значительность, Елкин уже заметил неточности. Он описывал не только бухту Хакодате, но и восточный берег Ниппона. Он и знал

об этих берегах, право, больше, чем те, кто эту рисованную японскими топографами карту получил из третьих рук и скопировал.

– Считается, что в Японии существуют два государя и две столицы, – говорил Гошкевич.

– Старая и новая, как Москва и Питер? – спросил Елкин.

– Совершенно не так. Ничего подобного!

– А как же?

– Я объясню. Сначала рассмотрим, где эти столицы, как они называются, как расположены по отношению друг к другу и какова связь между ними. Однако прошу вас, господа, иметь в виду, что достоверных сведений об устройстве японской государственной власти, как и о всех многообразных особенностях жизни японского общества, по сути дела, до сих пор не имеется в Европе, и даже эта наиболее достоверная карта может оказаться ошибочной. Все, что я изложу вам, это свод сведений, добытых из трудов разных исследователей, а также все то, что изучено нами под руководством Евфимия Васильевича, который посвятил себя этим вопросам. Адмирал приказал мне сегодня показать вам эту карту и сообщить все имеющиеся у нас сведения с тем, однако, чтобы каждый из вас, господа, как сказал Евфимий Васильевич, отнесся критически ко всему, что услышит и увидит, так как подлинное знакомство со страной и ее изучение нами находится лишь в самом зародыше и дальнейшие сведения могут быть получены только с вашей помощью.

«Это другое дело!» – подумал Елкин. Обида смягчилась, и на душе стало полегче. Но у него руки чесались, хотелось встать, подойти, потрогать карту, посмотреть работу вблизи, тянуло, как Можайского к картинам японских художников, когда не терпелось посмотреть «мазок», как он выражался. «Так же и мне бы глянуть на их “мазок”... Только ведь, верно, не японской работы, а трижды перекраденная европейцами».

– В Японии существуют две столицы. Обе они расположены на главном и крупнейшем острове Ниппон, вдоль побережья которого мы с вами сейчас идем. Северная столица называется Эдо. В ней царствует сиогун. Он военный и фактический правитель государства. Европейцы именуют его обычно светским государем. В его распоряжении находятся все финансы, сложный бюрократический аппарат, а главное – войско и береговая охрана.

Сиогун, слово само, означает «военачальник для подавления варваров». Фактически как командующий войсками сиогун царствует. Все европейцы в бумагах своих именуют его государем. С ним как с государем, судя по газетам, заключили договор американцы. Сиогун должен этот договор ратифицировать. Его Государственный совет называется «бакуфу», что в переводе означает «палаточная стоянка». Бакуфу и является правительством Японии. Кажется, само название свидетельствует о том, что первоначально это было военное правительство, как бы штаб главного военачальника, какими и являлись первые сиогуну, захватившие власть в государстве, вырвавшие ее из рук законных императоров. Власть сиогуну наследственна. Династия сиогуну рода Токугава, властвующая ныне, находится в состоянии упадка. На престол вступил молодой сиогун, о котором сами японцы тайно сообщают, что он не отличается способностями. Потому еще большее значение приобретает бакуфу, во главе которого стоит известнейший государственный деятель, по должности соответствующий нашему канцлеру.

– Осип Антонович, а вот граф Нессельроде приказал адмиралу убрать нашу крепость с Сахалина? – как с задней парты, выкрикнул из глубины кают-компания юнкер Корнилов. – Почему он посмел это сделать? На устье Амура всем этим возмущены...

– Мальчик, к сожалению, не отличается умственными способностями, – тихо сказал Сибирцеву барон.

Все стали оборачиваться, кто-то засмеялся. Карандашов сделал замечание юнкеру.

– Почему же я не могу спросить, если это меня беспокоит? – возмутился Корнилов. – Я не понимаю, что здесь особенного?

– Раз не понимаете, что тут особенного, то и молчите, юнкер! – вдруг резко сказал Мусин-Пушкин, сидевший во главе стола. – Как это не понимаете? Такую гавань отдать! Черт знает, что вы несете!

«Вот бухнул!» – подумал Алексей Николаевич.

Старший офицер резко встал и отошел к двери.

– Власть сиюгуна, однако, точнее, сиогуната, до сих пор остается сверхмогущественной. Это достигается многими средствами, сложной системой взаимного наблюдения за всеми почти без исключения жителями страны, к какому бы сословию они ни принадлежали.

Однако при всей полноте и мощи своей власти подлинным императором сиогун не является, и в этом вся сложность. Существует другой владыка, подлинный и законный император, род которого продолжается непрерывно более двух с половиной тысяч лет. Император считается как бы живым богом, потомком богов. За две с половиной тысячи лет род его был всячески унижен и лишаем прав. Однако поскольку японцы верят, что он бог, то ни род императорский, ни кто-либо из императоров никогда не был уничтожен или свергнут с престола. Но теперь фактически император бессилен, хотя и пользуется величайшим почетом и сам сиогун внешне покорен ему...

– Но держит его в страхе божьем? – спросил Елкин.

– Столица императорская – город Киото расположен близ порта Осака, куда мы идем. Сиогун не свергали императоров, но они их ослабили и ограничили во всем. Японцы боготворят императора. Император живет в своих дворцах в Киото, невидимый и недоступный народу, окруженный всевозможными почестями и богатством, но лишенный всякой силы и светской власти и связанный во всем. Эта живая святыня находится под вечным надзором ставленников сиюгуна. Он как бы узник среди роскоши и поклонения. Однако сиогун не может принять важных решений без его согласия. Важнейшие бумаги посылаются из Эдо в Киото к императору, что, видимо, не всегда является лишь формальностью, которую император не в силах не выполнять. Таково искусственное состояние, в котором содержится древнейший род японских императоров, он под вечным, изощренным надзором. Впрочем, точно о нем ничего не известно, и, как знать, может быть, император нередко выказывает сиогуну свой характер. Да как об этом разведать! У адмирала есть более точные сведения, и он, желая уравновесить положение и ослабить сопротивление чиновников бакуфу, идет в Осака. Понимайте сами, господа, что это может означать. Планы адмирала являются частью дипломатического замысла.

– Но кто же все-таки высшая власть в стране? – спросил Сибирцев.

– Император – высшая власть.

– Сиогун его почитает, но власти ему настоящей не дает. Хотя для формы и не принимаются решения без его согласия...

– Император смеет отказать и не утверждать его решений, – сказал Карандашов.

– Никогда не делает этого! – категорически заявил Мусин-Пушкин с таким видом, словно он тоже изучил Японию.

– Все, как видите, изощренно и коварно до крайности, свою святыню японцы ухитряются мучить с почестями. Но... это мое мнение, господа. Евфимию Васильевичу надоело испытывать на себе упорство сиюгуна и его чиновников, вот он и решил показать, что еще есть к кому обратиться в Японском государстве, и этим припугнуть сиогунских прихвостней. Есть, мол, угнетаемая власть, и мы не побоимся в случае надобности обратиться к ней... Вот, господа, на карте мы видим дорогу, соединяющую столицу Эдо со столицей императора Киото. Это главная государственная дорога, и по ней непрерывно идет движение между двумя столицами. Эта дорога называется Токайдо. Токайдо, господа. Запомните это слово. По ней вызываются на службу в столицу сиюгуна князья со своими войсками. По ней двигаются с охраной князья. Вот, собственно, те сведения, которыми располагают европейцы. Дальнейшие подробности пока темны.

– Простите меня, Осип Антонович, – подымаясь, сказал юнкер Лазарев, – но что это за карта и чем она отличается от карты у Константина Николаевича?

– У Константина Николаевича находится морская карта побережий Японии, а не политическая. На ней нет княжеств. Копии всех частей ее находятся у нас в штурманской рубке. А это политическая карта империи.

– Значит, мы идем в Осака, чтобы обратить на себя внимание законного императора, как бы их папы римского? – спросил Сибирцев.

– Возможно, что у Евфимия Васильевича есть основания предполагать, что взор японского народа надо обратить на законного императора. Наш визит в Осака будет первым знаком уважения, выказанным европейской державой императору, а не сиюгуну, жестом дружественным, слух о котором должен дойти до ушей императора сквозь сиюгунские заставы. Уж этого скрыть невозможно. Со временем неизбежно император Японии выйдет из своего состояния изоляции, и адмирал первым предугадывает эти перемены. Конфуций учит, господа, что династия прогрессивна при воцарении и должна быть свергнута, когда обнаруживает признаки упадка, и что главное в государстве народ, который законно свергает дурных и слабых правителей. Евфимий Васильевич, изучая отрывочные сведения о личности императора, хочет предположить, что это сильная и энергичная фигура, которая не будет сидеть сложа руки при грядущих потрясениях. Обращаясь к императору, мы не только желаем сделать намек на его будущее и подчеркнуть, что понимаем его положение, но и заручиться его символической поддержкой. Мы попытаемся напомнить ему о той роли, которую может играть император в жизни современного общества, если он воспользуется религиозными чувствами японцев в политических целях.

– А не получится наоборот, не будет ли еще хуже?.. – спросил Сибирцев. – По теперешнему времени все эти живые боги – плохие союзники. А японцы, скорей всего, ничего этого не признают, решат, что хотим застрашать, приближаясь к их живой святыне.

– Да, господа, как знать! Может быть, настанет время, и захочет император ездить по железной дороге! – сказал Можайский. – Наденет котелок, возьмет тросточку да и махнет в Париж!

– Мы демонстрируем нашу приверженность идее полной независимости Японии, уважения к традиционным понятиям японцев и к двойственности их власти. Такова система действий, принятых адмиралом, господа...

– Искусная система! – объявил Можайский, в то время как Пещуров свертывал карту, а остальные офицеры, недовольные последними пояснениями Гошкевича, поднимались и молча расходились из кают-компаний.

Глава 7

Священные тайны

Океан, меняясь ежечасно, дарил путешественникам одну художественную картину за другой. Солнце всходило в полуме золотых пожаров, красное с утра, и подымалось в черную тучу. Через золото ее каймы и редких лохм виднелся низ огненного полушара, и океан становился тяжелым, иззелена-черным, как чернила. Рябь шла по нему слабее, словно ветер не в силах был вздымать эту тяжесть. Местами оставались такие пятна чистой глади, как черные зеркала.

Сносило тучи, и ветер расходился, разводя свободное волнение.

Волны глухо шумели всю ночь. Перед рассветом тончайшие черные облака расположились друг над другом дугами, сплетая как бы волнистые кружева, сквозь которые видно все огромное небо в бледной голубизне и угасающих звездах.

«Диана» вошла во Внутреннее Японское море. Ее обступили волнистые берега с террасами рисовых полей, в зелени растрепанных ветрами сосен, среди которых виднелось множество соломенных крыш.

В подзорные трубы видны гнутые крыши храмов. Множество лодок шло по спокойной поверхности моря во все стороны.

Капитан приказал вызвать японца, бежавшего из Хакодате. Тот вошел в матросской форме, отдал честь и вытянулся. В парике из пакли он белокур и смугл, как переодетый забайкальский казак.

– Где город, Киселев? – спросил его Гошкевич.

Японец поднялся с офицерами на капитанский мостик и показал на гору, одиноко возвышавшуюся на дальнем берегу.

– За этой горой.

– Ты бывал здесь?

– Нет, не был. Но видел на картинах изображение города и пристани, – отвечал японец.

С марса спустился штурманский поручик Елкин.

– Город большой, богатый, в трубу видно, что там начался невообразимый переполох. Вон, смотрите, все суда и лодки, как магнитом, тянет за коническую гору. За ней находится, видимо, устье реки. По-моему, нас не ждали, и поэтому такой переполох. В городе люди бегут по улице толпами... Да, за горой, видимо, устье реки, и туда во множестве идут торговые суда.

– Кажется, мы пришли в Осака раньше, чем успели сюда распоряжения из Эдо! – сказал Посьет.

Японец Киселев объяснил, что высокая гора насыпана руками людей. Что реку приходилось углублять, песок из нее всегда вычерпывали и сваливали. За многие сотни лет получилась такая высокая гора. На ней разбит сад из розовой вишни. Заметно было, что обо всем этом японец говорил с гордостью.

– Наша «Диана» – черный корабль. У Перри тоже были черные корабли. Поэтому жители города поняли, что пришли американцы, и все очень испугались. У японцев корабли красятся в белую краску и вообще делаются очень красивыми, – объяснял Киселев.

«Диана» бросила якорь в трех кабельтовых от устья реки. Быстро наступила южная ночь. На берегу зажглось множество огней. Огни двигались по реке, по горе вверх и вниз и по всем берегам.

Утром баркас отвалил от «Дианы». На руле сидел лейтенант Пещуров. Он правил в устье реки, протекавшей по городу и забитой множеством мачтовых лодок. На баркасе адмирал, капитан, Гошкевич, Сибирцев и два десятка матросов. В кильватере идут еще две шлюпки.

Вход в реку перегородила плотная масса лодок. На палубах стоят целые отряды японских воинов в голубых халатах. Черное пламя отражается от лакированных шляп самураев.

На горе и по берегу моря видны солдаты с копьями. На холмах разбиты группы шатров. Всюду лагерь и войска. «Поразительно, как быстро японцы собрали такую армию», – думал Алексей Николаевич.

Близился вход в узкую реку. Берега ее облицованы серым камнем. Крупные плиты уложены друг на друга, и прямо на них, как на фундаментах, построены живописные башни под цветной глазурованной черепицей. Эти башни с многочисленными крышами одна над другой стоят у входа в реку, как два часовых в выгнутых шляпах. Их красные черепицы сияют на утреннем солнце. Форты защищают вход в реку.

У подножия расположилось на лодках японское войско со множеством флагов и значков на высоких древках.

– Войска много! – с сожалением сказал Киселев. – Мы их, наверно, не победим. – Он стал объяснять Гошкевичу, что, судя по знаменам, тут кроме императорских собраны войска разных князей.

– Навались! – приказал Лесовский, и баркас помчался прямо на строй японских лодок.

Японцы двинулись навстречу. Приближаясь, они ставили свои лодки бортами под удар. Пришлось бы разбить борта первой же, которая подвернулась.

– Суши весла... Табань! – раздалась команда, и баркас сразу встал.

– У них тут много народу очень, – по-японски говорил Гошкевичу новый моряк.

Гошкевич, стоя на носу баркаса, спросил, нет ли голландского переводчика. Ему отвечали с лодок по-японски, что переводчика нет.

– А на нэ, – крикнул Киселев, перегибаясь с кормы к ближайшей лодке. Он о чем-то разговорился с солдатами.

Гошкевич написал иероглифами записку и передал ее на большую лодку рыцарю с двумя саблями.

Японцы, увидев на листе прозрачной бумаги написанные умелой рукой иероглифы, стеснились, читая их, а потом с уважением посмотрели на высокого рыжего эбису⁷.

– Надо, господа, уметь и уступать, – сказал адмирал, возвратившись с офицерами на судно.

«Все зря ходим, – думал Алексей Сибирцев. – Сколько опять забот, трудов напрасных. Понесло же нас сюда! Даже не видим ничего. А сколько, наверно, в этом городе интересного, там, за горой».

На судно прибыли чиновники.

– Почему вы собрали такое множество войска, когда мы пришли на одном корабле с небольшой командой? – спросил их адмирал.

Чиновники и переводчики заполнили почти весь салон адмирала.

– Этот порт закрыт для иностранцев. И встречи с нашими послами возможны только в Нагасаки. Ваше прибытие очень обеспокоило наш народ. Поэтому, чтобы успокоить население, мы собрали войска. И мы не можем позволить здесь сход на берег при всем уважении к вам.

Путятин объяснил, что письмо для японского правительства он передал губернатору города Хакодате.

– Мы прибыли сюда, чтобы встретиться здесь с представителями высшего японского правительства и, проникнутые духом благоговения перед святынями Японии, благополучно закончить переговоры, начатые нами в Нагасаки. Мы пришли с дружественными намерениями и

⁷ Варвар.

не позволим себе никаких враждебных действий. Нам кажется, что вблизи Эдо продолжать переговоры будет трудней, чем вблизи Осака...

– Мы очень благодарны вам за это, – спокойно отвечал старый чиновник, – но у нас принято считать, что если иностранное судно входит в запрещенные для него воды, то это враждебное действие.

– Сейчас уже пора менять такие взгляды. У вас изданы теперь новые законы. Мы известили правительство Японии, что идем сюда. Письмо об этом принято. Мы пришли законно и ждем ответа на свое письмо и не будем нарушать законы вашей страны.

– Нам кажется, что вам надо как можно скорей уйти отсюда. Это будет понято у нас как выражение дружбы и уважения к нашим обычаям. Здесь у нас нет знатоков западного языка и учреждения для приемов иностранцев.

– Мы должны дождаться ответа на наше письмо, – отвечал Путятин.

Потянулись дни терпеливого ожидания. С утра до поздней ночи капитан не давал покоя экипажу. С утра матросы маршировали по палубе с ружьями. Они упражнялись, передвигая пушки, как на артиллерийских учениях. После обеда занимались парусными и гребными гонками.

Елкин ходил на шлюпке с разрезным гротом и описывал берега Внутреннего моря. Какая-то японка кинула ему однажды яблоко из своей лодки. Можайский подходил на вельботе к устью реки и рисовал два форта на ее берегах, похожие на розовые столбы или на многоэтажные храмы.

А в Осака закрывались магазины и лавки. Население хлынуло прочь из города. Весть о приходе иностранцев на военном корабле разнеслась повсюду. До сих пор люди знали, что иностранцы на черных кораблях появлялись лишь в заливе Эдо. Сообщали друг другу тайно, под страхом наказаний. Но эту запретную для простого народа новость узнала вся страна.

Существовала тайна тайн. Но тайна злободневная. Только что, в самый день подхода баркаса эбису к устью реки, он выехал из своего дворца в Киото и прибыл в древнейший монастырь, расположенный под городом Осака.

Одни говорили, что император прибыл в замок Хиконэ-дзо на поклонение святыням в этот день неслучайно.

Но у многих являлось сомнение: «Не прибыл ли император в замок по какой-то другой причине? Даже страшно подумать! Еще никогда ничего подобного не случалось».

Все окрестные князья решили немедленно доказать свою преданность императору. В первую же ночь воины были подняты из всех городов и вотчин. Они двинулись с фонарями через леса и поля, чтобы защитить побережье и вход в священную реку от варваров.

Опасаясь святотатства, которое могли совершить прибывшие иностранцы, богатое население кинулось прочь из города. За богачами потянулась беднота.

Прибыл ответ из Эдо. Правительство сообщало, что письмо посла Путятина получено. Осака не является местом приема иностранцев, поэтому в Осака невозможно встречаться послам. Местом переговоров представителей японского правительства с русским послом назначается порт Симода на полуострове Идзу. При прощальной встрече Путятин поблагодарил чиновников.

– Мы выражаем вам наши самые искренние чувства, – сказал адмирал, полагая, что такая вежливость согласна с обычаями японского этикета и что кашу маслом не испортишь. – Мы глубоко благодарим японское правительство за назначение уполномоченных для встречи с нами в городе Симода. Здесь, в Осака, мы провели дни вблизи и в глубоком благоговении перед почитаемой святостью...

Японцы замерли. Смятение выразилось на их лицах. О разговоре следовало докладывать наместнику.

– Зная всю глубокую мудрость духовного и светского управления государством... – продолжал Путятин...

Наместником в Осака назначался один из высших и знатнейших князей, пользовавшийся доверием сиюгуна.

«За началом начал» наместнику приходилось наблюдать, не позволять никому приближаться к священной особе императора, внушать к нему чувства, как к богу. Но этот бог, переселяясь от отца к сыну, вот уже много столетий жил, как под арестом, у того, кто его глубоко чтит и кто молился ему. Таково положение вечного равновесия. От наместника требовалось умение выказывать такт и находчивость, самоотверженность, честность и преданность, следить за соблюдением всех обычаев и традиций, а также сохранять изоляцию того, кто находился на высшей ступени почитания на земле.

Путятин говорил так смутно и так почтительно, с таким множеством вежливых выражений, что, кажется, ничем не оскорбил слуха чиновников, присланных наместником.

– Местом переговоров с японскими представителями назначается порт Симода, – объявил капитан своим офицерам.

«Это под Фудзиямой!» – с восторгом подумал Можайский.

«Симода?» – Шиллинг вспомнил, как Кичибе говорил ему: «Копию договора вы доставите в Симода...»

Утром готовились к переходу, тянули такелаж, запасались пресной водой, которую подвозили в лодках японцы.

«Пока вы находитесь около нашего города, вам не угрожает опасность, – объяснял Гошкевичу иероглифами, рисуя их на бумаге, один из чиновников. – Опасность может быть в открытом океане».

– Что же грозит нам в океане?

– Пока мы не знаем точно размеры опасности. Наступила черная ночь в звездах. Огни мерцали на берегах и лодках. Не дремлет военный лагерь.

– Будущее принадлежит жизни духовной, а не миру коммерции и банковских операций, – говорил, сидя с офицерами в кают-компании, Евфимий Васильевич.

Лесовский слушал, как бы цenia мудрость и откровения адмирала. Но сегодня капитан придерживался совершенно противоположного мнения.

«Не идей, а порядка нам надо. Будущее за тем, у кого порядок и мордобой. Людоедство, а не духовная жизнь! Иначе с человеком не сладишь. На людоедстве построены все успехи и процветание цивилизации. Едят друг друга без зазрения совести. И кто жив остался, тот и доволен. И с нашими не сладишь без кулака. А идея хочет смягчить, замедлить это развитие. Да сама машина – людоед».

Только идея проникновения в Осака для передачи сведений о современных событиях духовному таинственному владыке прилась по душе Степану Степановичу. «Здорово сладил Евфимий Васильевич! Искусный ход! Не зря ходили сюда! Да как-то отсюда выберемся! Видно, где-то ждут нас...»

– Япония, конечно, откроется, – продолжал рассуждать Путятин. – Они тянут время из гордости, что не означает, будто у них такова система, как полагают многие. Они чувствуют, что грядут потрясения, каких страна еще не знала, и как бы произносят в уме: «Минет ли меня чаша сия...» А чаша ждет каждого из нас... Император их – человек. Мы-то, европейцы, знаем, что он не бог, а человек.

Утром, после подъема флага и молитвы, на фрегате подняли паруса. «Диана» пошла на север.

– Хороший город когда-нибудь построятся, – говорил в это бодрое и свежее утро Александр Можайский.

Он и сам свеж и бодр. Он смотрел на это свежее утро Японии в ясный час, когда отдаленная синева уж затянула враждебные войска и лагеря на далеком берегу и только возделанные поля на мягких очертаниях холмов виднелись с ходко шедшего под всеми парусами фрегата.

В полдень Алексей Николаевич принял вахту. Какое-то палубное судно, свернув парус, шло на веслах наперерез «Диане». Человек в халате, взмахивая белым флагом, что-то кричал.

– Немного говорю по-русски! – крикнул он с лодки.

– Трап! – скомандовал Сибирцев.

Японец подошел, стоя на борту своего судна.

– Здравствуй! – сказал он по-русски лейтенанту. – Я был унесен морем Камчатка. Три года назад корабль «Князь Меншиков» привез нас в Симода.

– Перейдите на наше судно.

– Нельзя! Запрещается... Немного говорю.

Капитан и Посыет подошли к борту, японец сказал:

– Хочу известить. Порт Нагасаки английская эскадра. Чтобы японское правительство выдавало русских. Вас ищут. Их флот – четыре корабля: «Винчестер», пятьдесят пушек, еще пароходы «Барракута», «Стикс», «Энкоунтер». Три парохода. Я – Камчатка! Василий Иванович Завойко. Япон не скажет, где русский.

– Перейдите к нам, пожалуйста! – побагровев, сказал капитан, перегибаясь через борт.

– Пожалуйста, пожалуйста! – низко поклонился дважды японец.

Его гребцы затабанили, и лодка сразу отошла.

– Прошу вас... – закричал в рупор капитан.

– Спасибо... Спасибо, – кланялся японец.

– И все-то они кланяются! – вырвалось у Сибирцева. Теперь вся команда японского корабля стояла на коленях и кланялась «Диане» и Лесовскому.

– Господа, быть не может, что подобное предупреждение сделано нам японцем без ведома правительства! – запальчиво говорил потрясенный Гошкевич.

– Господа японцы, адмирал просит вас к себе. На нашем корабле адмирал. Немедленно пожалуйста.

Японцы стали грести к борту. Они перешли по трапу на «Диану». Через час довольные гости вышли от Евфимия Васильевича.

Через несколько дней, едва завиделась гора Фудзи, как облака окутали ее вершину. Сразу налетел шквал. Ночью заревел шторм.

– Фудзияма разъярилась... – говорили офицеры. Утром над тучами снова выглянула вершина Фудзи, на этот раз черная, как уголь.

Фрегат с трудом шел галсами против ветра. Фудзи на закате очистилась и стояла вся в красном.

По всей массе поднявшихся из моря скал-островов, по выступам каменных быков и по столбам в тропической зелени ударяли океанские волны. Все в пене, и все бушует в этих каменных лабиринтах.

– Какая грозная и величественная страна! – вдохновенно говорил Александр Можайский, когда фрегат «Диана» входил в бухту городка Симода. – Совсем не хризантемка и не гейша! Смотрите, как берег вдали крут и грозен.

– А как вы думаете, Елкин, с японками надо обходиться? – спросил барон Шиллинг.

– Да так же, как со всеми. Все то же самое, уверяю вас.

– Нет, что вы. Тут надо как-то особенно.

– Ну как?

– Я еще не знаю сам. Но чувствую, что здесь все какое-то особенное. Вот и хочу узнать у вас.

На душе у Алексея Николаевича было невесело. Пошел дождь. Ветер усиливался. «Что-то здесь нас ждет?»

Утром маленький рыбацкий городок виден был, как на ладони. На берегу горной речки и по ущельям между высоких сопок тесно набито несколько сот лачуг. Как могли американцы признать этот порт пригодным для международной торговли?

Все чувствовали себя тут, как петербургские щеголи, которым предстояло ходить по грязной деревенской улице.

Путятин смотрел из широкого окна на корме на эту сумрачную и тяжелую картину грозной природы и человеческой нужды, примостившейся всюду, где ухватился человек за клочок удобной земли. Но на душе у него было светло.

Он знал, что он, а не Перри открыл Японию.

Первую бумагу в своей истории японцы подписали с ним, с Путятиным! Не из-за угля рвал на себе волосы Перри, а из-за этой бумаги. Он бумажная душа, ярыга из Штатов, и его мысли идут в кильватерной колонне за флагманскими докладами президенту. Не он открыл Японию! Не с ним подписана первая деловая бумага!

Разве не понятна интрига, которую сочиняют против Евфимия Васильевича? Адмирал Рикорд, горячая голова, представил патриотический доклад государю, предлагая послом в Японию отправить Муравьева из Иркутска, под тем предлогом, что сам он, Рикорд, будто бы только потому освободил из японского плена Василия Головнина, что, придя за ним в Японию, сказался камчатским губернатором. Японцы приняли это как дань соседского уважения, очень им польстило будто бы, что сосед, русский бугё, явился с просьбой! Итальянская интрига! Хитрости! Муравьева вместо меня! Да со своей требовательностью куда бы он! Смирения нет у них ни у единого!

Из вежливости, чтобы не обижать Перри, и к нему Евфимий Васильевич обратился кротко. В долготерпении снисходительности обратился к командиру могущественным флотом с предложением действовать сообща. Зная заранее, что Перри отвергнет или уклонится! Да и то не беда, кротость и янки выказать пришлось! Теперь на единственном корабле? Да, но с чувством дружбы к японцам и уважения к их стране! Вот с чем пришел Путятин, а не с камнем за пазухой! Потому и светлы его мысли.

В Нагасаки японцы подписали обязательство. В бумаге два пункта. Первый – обещание в будущем завести торговые отношения с Россией. Обещание второе – если за время отсутствия Путятина Япония подпишет договор с какой-либо другой державой, то все, что будет дано кому-либо, будет предоставлено и России! Чего же еще?

Бог не оставит Россию и с единственным парусным кораблем.

«Но, в гневе явившись, Перри не мог не пустить в ход все средства, чтобы настроить против меня японцев. Если так? И тут долг мой не ссориться с японцами, понять их в беде, опровергать, конечно, но и помочь, протянуть им руку во грехе их зла, возбужденном против нас. Протянуть руку и способствовать выйти им из тины болота, куда ввергли их американцы».

Так думал Путятин, глядя на городок Симода в пасмурный день и ожидая прибытия японских уполномоченных из Эдо.

– А, Мориама Эйноскэ! Здравствуйте! – сказал по-голландски Посьет, встречая прибывшего на лодке переводчика.

– Знакомьтесь, господа, – сказал по-русски Константин Николаевич, обращаясь к офицерам, – это знаменитый Мориама Эйноскэ – главный переводчик на переговорах в Нагасаки. Он вел переговоры с коммодором Перри. Еще раньше встречался с англичанами и американцами. Какие важные новости, Эйноскэ? Значит, здесь при управлении бугё есть должность переводчика иностранного языка! Каково японцы действуют! А сами клянутся, что у них все по-старому.

Мориама Эйноскэ немолод. Несмотря на шарик на бритой голове, он больше похож на американца, чем на японца. Эйноскэ высок, строен, широк в плечах, с достоинством подымает голову. У него седина в висках, длинное лицо и крутой энергичный нос. Он чем-то похож на боксера, накинувшего на могучие плечи японский халат.

В Нагасаки Эйноскэ ползал на коленях, лежал плашмя на полу и втягивал в себя воздух после каждой фразы, как бы показывая, что не смеет дышать в присутствии представителей своего правительства. А теперь стал похож на джентльмена, держится прямо, не сгибается в вечном полупоклоне, его сухая широкая грудь выдается из-под халата, вид гимнаста. Умный холодный взгляд. А когда-то, как говорят, участвовал в допросах и пытках американских и английских моряков, попадавших после кораблекрушений в Японию.

– Как же вы не знаете, Эйноскэ, что заключен договор? – спрашивал Посьет по-голландски. – А мы читали об этом в газетах.

– В газетах? А где газеты выходят? – беря в руки «Чайна мэйл» и сидя в кресле прямо, спрашивал Эйноскэ. – Ах, в Гонконге! А-а! – разочарованно добавил он.

– А мы встретили Кичибе в Хакодате.

– У него, знаете, вырос сын и тоже стал переводчиком. Ему доверяли работать с американцами.

– Теперь и вы говорите по-английски?

– Да, немного...

– Что же было с американцами?

Глава 8

Черные корабли в заливе Эдо

Одна из причин экспедиции Перри тщательно скрывалась американцами по ее мнимой незначительности. Они знали суть дела лучше, чем европейцы. Русские появились на Сахалине и на так называемом Татарском берегу. Об этом поступали многочисленные неофициальные сведения от китобоев. Об этом упоминали в американских газетах. И об этом были официальные сведения, поступавшие от дипломатов из Европы.

Не зная истории Русского Приамурья в семнадцатом веке и предшествовавших и последующих событий, американцы хотели видеть в появлении русских на южных берегах Охотского моря лишь проявление экспансии. Морские офицеры России сделали несколько попыток ограничить промыслы американских китобоев. Пока у русских для этого еще не было достаточных средств, и они вскоре отказались от таких намерений. Но цели их очевидны, и, окрепнув, они последуют им. В будущем они могли оказаться опасными, тем более что на Американском континенте им принадлежат пространные территории и отличные гавани.

Перри и американские морские чины судили о русских по фактам. Царская Россия вела войну на Кавказе, занимая новые территории. Она усиливала давление на Среднюю Азию, стремясь, как предполагали, в Индию. Она все более теснила Турцию в Малой Азии и на Кавказе. Она вмешивалась в европейские дела, всюду поддерживала реакцию. Она подавила революцию в Венгрии.

Движение к Тихому океану, по мнению передовых людей России, открывающее для народа великое будущее, американцы не отличали от обычного экспансионизма.

Россия обладала здоровым и стойким крестьянством, отличавшимся замечательной рождаемостью, и отважным, предприимчивым казачеством – сословием прирожденных воинов, посредством которого империя осуществляла все свои захватнические предприятия. В России появлялась промышленность, приступали к сооружению железных дорог и телеграфа.

Казачьи выходы по судоходному Амуру на Тихий океан, и с этим нельзя не считаться. Следующим этапом после того, как они утвердятся и освоятся на новых местах, будет, как полагали многие в Европе, захват Северной Японии.

В то же время американцы получили порт Сан-Франциско и открытые морские пути через эти ворота в океан.

Перри, изучая все сведения о современном положении на Тихом океане, пришел к заключению, что Россия нашла слабое место в строю азиатских империй и что она, опираясь на новые приобретения, со временем захочет стать госпожой всего Тихого океана.

– Она постепенно и незаметно, лукаво охватывает весь океан своими приобретениями! – говорил коммодор.

Другой, еще более важной, причиной экспедиции были поиски рынков. В Китае все более укреплялись англичане. Япония еще не была захвачена какой-либо торговой державой. Япония была не только неоткрытым рынком с огромными возможностями, она в современном политическом положении была неподвижным, но ужасным препятствием развитию тихоокеанской торговой цивилизации. Японцы упорно противодействовали всем нациям в попытках установить торговые и дипломатические сношения с их страной и разрешить мореплавание у своих берегов. Настала пора это препятствие разрушить и нанести решительный удар. Этого не смог еще никто осуществить.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.